

Н. Сумцовъ.

ЭТЮДЫ

ОБЪ

А. С. ПУШКИНЪ.

Вып. III-й.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“

ВАРШАВА.

—
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Браковское-Предмѣстье, № 3.

—
1895.

Предисловіе къ 3-му выпуску.

Въ третій выпускъ входятъ: „Поэтъ“, „Эхо“, „Шотландская пѣсня“, „Къ Кернъ“, „Откуда къ намъ явилась ты“, „Что свѣтъ зари“, „Осень“, „Зимній вечеръ“, „Анчаръ“, „Даръ напрасный“, „Въ часы забавъ“ и „Татарская пѣсня“. Последнее стихотвореніе внесено Пушкинымъ въ Бахчисарайскій фонтанъ; оно занимаетъ въ поэмѣ самостоятельное положеніе и стоитъ въ близкой связи съ двумя-тремя другими болѣе поздними стихотвореніями Пушкина. Въ случаѣ разборъ первыхъ поименованныхъ выше стихотвореній займетъ болѣе 5 или 6 печатныхъ листовъ, то разборъ „Анчара“ и др. будетъ перенесенъ на четвертый выпускъ. Дополненія и поправки помѣщаются въ концѣ выпуска.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 18 ноября 1895 г.

И звуковъ и смятеня полнъ
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы . . .

Пушкинъ былъ человѣкъ глубоко искренный. Въ „Поэтѣ“ отразилась его жизнь въ Михайловскомъ въ 1824—1826 г. Самъ П. рассказывалъ, что, бродя надъ озеромъ въ Михайловскомъ, онъ тѣшился тѣмъ, что пугалъ дивныхъ утокъ сладкозвучными своими строфами (*Анненковъ* 112).

Бѣгство поэта „на берега пустынныхъ волнъ“ можно понимать въ широкомъ смыслѣ самоуглубленія. Въ „Осени“ 1830 г. одна строфа бросаетъ свѣтъ на способы уединенія. Здѣсь поэтъ находитъ воодушевленіе въ тишинѣ своего кабинета у горящаго камина. Тогда онъ питалъ въ своей душѣ „думы долгія“:

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

Въ этихъ строкахъ заключается рядъ драгоценныхъ откровеній о тайнѣ поэтического творчества. Такъ, важно, что душа поэта въ минуту творчества „трепещетъ и звучитъ“. Слуховыя ощущенія имѣли громадное значеніе въ творествѣ Пушкина; мы подробно на нихъ остановимся въ другомъ мѣстѣ. Замѣчательно далѣе сближеніе художественныхъ образовъ съ сновидѣніями—важная и еще неразработанная тема новѣйшей научной психологіи.

Пушкинъ въ „Мелочяхъ“ далъ чрезвычайно вѣрное опредѣленіе вдохновенія и его отличія отъ восторга. „Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно

XIX.

П о э т ь .

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 г. № 23 напечатано ст. „Поэтъ“. Я уже касался мимоходомъ этого стихотворенія въ V гл. I вып. при разборѣ художественныхъ образовъ, связанныхъ съ стих. „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“. Теперь остановимся на немъ подробнѣе, въ томъ же принятомъ нами направленіи опредѣленія основныхъ психологическихъ мотивовъ и связанныхъ съ ними художественныхъ образовъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погружонъ
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта вострепелетъ,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжить онъ, дикій и суровый,

и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ *спокойствіе* — необходимое условіе *прекраснаго* (курсивы Пушкина). Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство“. Это глубокое замѣчаніе вполнѣ подтверждается новѣйшими психологами. Проф. *Жолл* въ „Психологіи великихъ людей“ стр. 141 и сл. говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „... заблужденіе устарѣвшей риторики заключается въ томъ, что она неразрывно связываетъ вдохновеніе съ особеннымъ лихорадочнымъ возбужденіемъ чувствъ, граничащимъ съ горячечнымъ бредомъ. Но мы знаемъ, на примѣръ, что Корнель и Лафонтэнъ были, каждый по своему, очень спокойные люди... Признавая вполнѣ, что вдохновеніе нерѣдко бываетъ связано съ общимъ тѣлеснымъ и душевнымъ возбужденіемъ, можно однако утверждать, что вдохновенное состояніе не проистекаетъ само по себѣ изъ этого возбужденія. Напротивъ, оно кладетъ ему конецъ, если только не предупреждаетъ его появленія“... „Вдохновеніе есть нѣчто такое, что, повидимому, замѣняетъ долговременный трудъ, что даетъ путеводную нить въ запутанномъ лабиринтѣ, подсказываетъ выраженіе, не подававшееся прежнимъ трудолюбивымъ розыскамъ или придаетъ окончательную форму данной идеѣ. Итакъ вдохновеніе приноситъ съ собой не лихорадку и тревогу, а скорѣе облегченіе и спокойствіе—спокойствіе совершеннаго акта, въ Аристотелевомъ смыслѣ этого слова. Это спокойствіе не есть прекращеніе дѣятельности, а напротивъ такая дѣятельность, которая прямо идетъ къ своей цѣли“...

А. О. Смирнова въ „Запискахъ“ (см. Сѣверн. Вѣстн. 1894 г. V, 177—178) сообщаетъ слѣдующій разговоръ свой съ Пушкинымъ по поводу „Чатертонъ“ Альфреда де Виньи. Смирнова замѣтила, что Пушкинъ въ „Поэтѣ“ и „Чернѣ“ стоитъ ближе къ истинѣ въ опредѣленіи отношенія поэта къ обществу, чѣмъ А. де В. въ „Чатер-

тонѣ“. „Я продолжаю думать, сказалъ по этому поводу Пушкинъ, что поэтъ стоитъ не больше, чѣмъ окружающіе его люди, до того момента, когда заговоритъ божество. Поэтъ вдохновенъ. Несомнѣнно, бываютъ часы, когда я не могъ бы написать двухъ строкъ, а въ *часъ божества* стихи льются точно вода. Но затѣмъ, однако, приходится пересмотрѣть, измѣнить, исправить. Божество даетъ мысли, чувства, но существуетъ и искусство, и это уже дѣло завтрашняго дня. Я часто встаю ночью, чтобы писать. Какая нибудь мысль преслѣдовала меня съ вечера; но я не могъ точно ее выразить; я долженъ былъ ею проникнуться до глубины души; ей надо было улечься въ гармоническіе аккорды. Тогда въ душѣ моей происходитъ какое-то пробужденіе, что я и высказалъ въ своемъ „Поэтѣ“. Но если чернь меня не понимаетъ, но если разныя посредственности не чувствуютъ того, что чувствую я, это не даетъ мнѣ никакого права отдѣляться отъ челоуѣчества, такъ какъ прежде чѣмъ быть поэтомъ—я челоуѣкъ и гражданинъ... Тирады Чатертонъ — тирады гордеца и жертвы тщеславія... Это (т. е. драма А. де В.) также апологія самоубійства... Послѣ этой драмы явятся маленькіе Чатертонъ, всѣ риѣмачи — альманашники, которые сочтутъ себя непризнанными геніями, если ихъ не увѣнчаютъ, какъ только они напишутъ сонетъ... Тщеславіе свойство глупое, исторически присущее челоуѣчеству“...

Признаніе Пушкина, весьма цѣнное въ устахъ такого геніальнаго, глубоко-искреннаго и правдиваго писателя, можно дополнить (въ виду его важности для ознакомленія съ психологическими тайнами художественнаго творчества) другими свидѣтельствами и признаніями. Такъ, *Д. В. Григоровичъ* въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ (см. Русск. Мысль 1893 г. I, стр. 25—26) говоритъ: „Повѣсть эта (рѣчь идетъ объ „Антонѣ Горемыкѣ“) стоила мнѣ такого же труда, если еще не больше, чѣмъ первая. Бывали не только часы, но дни, когда, при всемъ усиліи, я не могъ положительно напи-

сать строчки. Я приходилъ въ совершенное отчаяніе, искренно убѣжденный, что лишился способности писать. Такое состояніе знакомо болѣе или менѣе каждому писателю настолько же, насколько знакомо также то неожиданное нервное возбужденіе, когда пишется легко и свободно безъ всякаго принужденія. Последнее можно было бы назвать настроеніемъ, расположеніемъ, пожалуй, вдохновеніемъ, если бы слова эти что-нибудь опредѣляли. Какъ объяснить въ самомъ дѣлѣ таинственный процессъ, внезапно охватывающій человѣка во время его работы? Чѣмъ объяснить, напримѣръ, что опытный писатель часто бьется какъ рыба объ ледъ въ безсиліи собрать мысли, въ бесполезномъ стараніи набросать ихъ на бумагу, сочинить иногда складно самое незатѣйливое простое письмо, и вдругъ безъ всякаго повода, безъ всякой видимой, внѣшней причины, къ тому же лицу возвращается вся бодрость духа, мысли проясняются, впечатлѣнія складываются въ живые образы, слова, которыя надо было высказать, напрашиваются какъ-бы сами собою? Поэма, романъ, повѣсть рѣдко выходятъ въ свѣтъ такими, какъ ихъ придумалъ авторъ въ первоначальномъ видѣ. Писателю съ призваніемъ какъ бы заранѣе дана программа того, что онъ долженъ исполнить и, рядомъ съ этимъ, какъ бы тайно вложена въ него сила, заставляющая исполнить то, что ему предназначено; если произведеніе пишется въ періоды первнаго возбужденія, эта внутренняя сила немедленно вступаетъ въ права свои; она часто отбрасываетъ то, что задумано было прежде, и въ результатъ является неожиданно нѣчто новое, о чемъ не было помысла. Пробужденная творческая способность настолько могущественнѣе воли писателя, что во время ея прилива пишется точно подъ чью-то настоятельную диктовку и все, что выходитъ тогда изъ-подъ пера, отмѣчается живымъ, образнымъ, наблюдательнымъ. Такъ писателя въ томъ, чтобы при исправленіи рукописи умѣть сохранить въ ней эту свѣжесть и живость, выраженные какъ бы помимо его воли. Тѣ только произведенія цѣ-

нятся высоко, продолжаетъ Г., авторы которыхъ, по мѣрѣ своихъ силъ, старались „возвести ихъ въ перлъ созданія“, какъ выразился Гоголь. Литературные перлы достигаются не только силой избраннаго таланта, но также трудомъ неимовѣрнымъ... Тургеневъ такъ выразился: „Когда я пишу, я всегда испытываю точно ролы“. Затѣмъ, г. Г. приводитъ рядъ примѣровъ, какъ знаменитые писатели (Гоголь, Лермонтовъ, Гете, Бальзакъ и др.) тщательно обрабатывали свои произведенія и въ частности указываетъ на мнѣніе Гете, не разъ имъ высказанное, что „художникъ обнаруживается въ ограниченіи, т. е. отбросѣ лишняго, и возможномъ сокращеніи въ пользу силы какъ выраженій, такъ и самого произведенія“.

Ө. М. Достоевскій въ письмѣ къ брату отъ 31 мая 1858 г. говоритъ: „Ты явно смѣшиваешь вдохновеніе, т. е. первое мгновенное созданіе картины или движенія въ душѣ съ работой. Я, напримѣръ, сцену тотчасъ же и записываю такъ, какъ она мнѣ явилась впервые, и радъ ей; но потомъ цѣлые мѣсяцы, годъ обрабатываю ее, вдохновляюсь ею по нѣскольку разъ, и нѣсколько разъ прибавляю къ ней что-нибудь или убавляю“... .

Французскій критикъ новаго времени *Шербюль* въ соч. „Искусство и природа“ (рус. пер. 1894 г., стр. 46—47) даетъ такую характеристику процесса художественнаго творчества, вполне отвѣчающую признаніямъ Пушкина и Григоровича: „Никакая радость не сравнится съ радостью художника, когда онъ почувствуетъ, что полученное имъ сейчасъ впечатлѣніе плодотворно, чревато произведеніями искусства... . Все, что онъ теперь видитъ, слышитъ, что узнаетъ новаго, самые мелкіе случаи его жизни, его встрѣчи, его думы, мечты, его чтеніе — все теперь примѣняется къ задуманному сюжету. Онъ для артиста *idée fixe*, которая поглощаетъ всѣ другія мысли; теперь это его единственная и постоянная забота. Важнѣйшіе жизненные и міровые вопросы для него теперь пустяки, бездѣлки въ сравненіи съ его собственнымъ дѣломъ, и онъ готовъ думать, что все въ мірѣ, отъ

звѣздъ до человѣка и растеній, вся вселенная создана только для того, чтобы дать канву для поэта, мотивы для музыканта, формы для архитектора. Но спустя немного времени этот пылкій мечтатель становится совѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ приступаетъ къ исполненію своего художественнаго замысла, ему нужно набросать общій планъ, сдѣлать эскизъ, и съ того момента онъ уже крайне остороженъ; онъ не довѣряетъ своимъ лихорадочнымъ нервнымъ порывамъ. Онъ старается успокоиться, призываетъ на помощь умъ. Онъ размышляетъ, рассуждаетъ, группируетъ, вычисляетъ. Какой бы ни былъ сюжетъ, художникъ долженъ приспособить его къ законамъ своего искусства; но хотя у каждого искусства своя логика, свои частныя правила, все они однако подчиняются своему общему закону, который требуетъ, чтобы художественное произведеніе было хорошо скомпановано, т. е. чтобы оно составляло нѣчто цѣлое, чтобы отдѣльныя его части были связаны между собой естественно и расположены умѣло, чтобы линіи сочетались красиво, масса распредѣлялась равномерно... А все это предполагаетъ усидчивость и долгую работу ума“.

Проще и сильнѣе выражается профес. *Жоли* въ „Психологіи великихъ людей“ (стр. 102): „замыслить нѣчто великое значить: вообразить себѣ его, любить, желать его существованія и выполнить его въ дѣйствительности“.

То высшее нервное возбужденіе, которое овладѣваетъ поэтомъ въ моментъ творчества, Пушкинъ назвалъ въ стихотвореніи Аполлономъ — отзвукъ стараго литературнаго классицизма, удержавшагося у Пушкина въ главіяхъ (Аквилонъ, Аріонъ) и въ собственныхъ именахъ. Въ разговорѣ со Смирновой Пушкинъ называетъ это состояніе „часомъ божества“. Д. В. Григоровичъ таинственно выражается, что въ этомъ случаѣ „пишется подъ чью-то настоящую диктовку“. Выдающіеся мыслители древности также склонны были къ олицетворенію овладѣвавшего ими по временамъ нервнаго возбужденія. Знамени-

тый демонъ Сократа былъ благотворное провиденціальное внушеніе, обращавшееся въ единичныхъ случаяхъ къ его разумной волѣ, но не въ формѣ только внутренняго сознанія, а и внѣшнимъ оцутительнымъ образомъ. Замѣчательно, что Плутархъ почти такъ же объясняетъ сократовскаго демона, какъ Пушкинъ въ разговорѣ со Смирновой объяснилъ свое поэтическое воодушевленіе. По объясненію Плутарха, подобно тому, какъ во снѣ мы видимъ образы, слышимъ звуки, такъ у Сократа и въ бодрственномъ состояніи внутреннія внушенія божества переходили во внѣшнія ощущенія (*Вл. Соловьевъ*, въ *Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона* X, 376).

Люди науки дѣйствуютъ подъ такимъ же художественнымъ наитіемъ. Знаменитый фізіологъ Клодъ Бернаръ, рассказавъ о фактахъ наблюденія, нерѣдко остающихся подолгу передъ глазами ученаго безъ замѣтнаго дѣйствія на него, прибавляетъ, „затѣмъ вдругъ передъ ученымъ блеснетъ лучъ яркаго свѣта; новая идея является съ быстротой молніи въ видѣ какого-то внезапнаго откровенія“ (*Жоли*, *Психол. велик. людей* 147).

Изъ основной мысли о „часѣ божества“ исходятъ все подробности стих. „Поэтъ“, причемъ многое въ этихъ подробностяхъ уясняется по сопоставленіи ихъ съ такими стихотвореніями Пушкина, какъ „Пророкъ“ и „Эхо“. Къ „часу божества“ относятся „священная жертва“ и „святая лира“. Прилагая къ этимъ высокимъ терминамъ критическій ножъ научнаго анализа въ предѣлахъ и по даннымъ поэзіи Пушкина, можно сказать, что „часъ божества“—субъективное ощущеніе; жертва не всегда бываетъ священна, и лира не всегда бываетъ святая; къ „священной жертвѣ“ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и случайностей личнаго и общественнаго свойства могутъ присоединяться національное тщеславіе и эротическія вождельнія. Въ стих. „Поэтъ“ термины „священный“ и „свѣтой“ нужно принимать въ смыслѣ формальномъ или психологическомъ, какъ указаніе на душевное возбужденіе, безъ отношенія къ фактической сто-

ронѣ, и такое пониманіе оправдывается тѣмъ, что внушеніе идетъ отъ Аполлона, общаго творческаго духовнаго начала, которое открывается душѣ поэта въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Возьмемъ общеизвѣстное стих. Пушкина „Нереида“. Оно свято и священно въ др.-греческомъ смыслѣ; но для современныхъ арійскихъ народовъ, воспитавшихся на христіанскомъ семитическомъ понятіи о святости, оно лишь прекрасно. Пушкинъ по своей широкой славянской натурѣ склоненъ былъ къ древне-греческимъ представленіямъ о красотѣ, какъ божественномъ проявленіи. Эта чисто арійская точка зрѣнія обнаруживается въ эстетическихъ теоріяхъ выдающихся современныхъ западныхъ ученыхъ. Такъ, Ренанъ въ сочиненіи о Маркѣ Аврелии утверждаетъ, что женская красота есть даръ Божій такъ же, какъ и добродѣтель и что, красивая женщина точно такъ же выражаетъ одну изъ сторонъ божественной цѣли, какъ и гениальный мужчина. Эту мысль выразилъ въ 1831 г. Пушкинъ, когда въ альбомѣ Н. Н. Гончаровой въ стихотвореніи „Красавица“ написалъ:

... Встрѣтись съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Изъ разговора П. со Смирновой видно, что Пушкинъ осуждалъ тщеславіе: „Чернь“ — не народъ и даже не общество того времени, а вообще люди непонимающіе, криволки въ области искусства. „Ничтожные дѣти міра“ — выраженіе скромное; оно относится къ массѣ людей, поглощенныхъ житейскими заботами, не имѣющихъ ни способности, ни возможности закрѣпить память о себѣ въ ряду по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ ближайшихъ поколѣній. Одинъ гений оставляетъ вѣковой слѣдъ, да и то въ зависимости отъ матеріала; гений актера умираетъ съ нимъ; картины Рафаэля чернѣютъ; картины Мурильо дупятся; произведенія Фидія погибли.

Между стихотвореніями „Поэтъ“ и „Пророкъ“ есть внутреннее родство. Вникая въ художественные образы этихъ стихотвореній, можно сказать, что „Поэтъ“ первичнѣе „Пророка“; до чуткаго слуха поэта лишь коснулся „божественный глаголь“; здѣсь еще нѣтъ духовнаго преобразованія, которому подвергся „Пророкъ“; но это преобразование близко, и потому поэтъ затосковалъ въ забавахъ міра, сталъ чуждаться молвы и полный сматенья, дикій и суровый, т. е. углубленный въ себя, неразобравшійся среди нахлынувшихъ впечатлѣній и образовъ, онъ бѣжитъ на берега пустынныхъ вонъ и въ широкошумныя дубровы. Въ пустынѣ его встрѣтитъ серафимъ, и преобразуетъ его чувства для воспріятія вышшаго божественнаго велѣнія глаголомъ жечь сердца людей. Поэтъ бѣжитъ въ пустыню не только отъ вражды и неблагодарности; онъ бѣжитъ съ положительной цѣлью, предвидя откровеніе и очищеніе. У поэта оказывается еще „гордая голова“; но у пророка уже не будетъ гордости. Сходство въ художественномъ образѣ повлекло за собою сходство въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Такъ,

въ „Пророкъ“: Глаголомъ жги сердца людей...
въ „Поэтъ“: Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется...
въ „Пророкъ“: Отверзлись вѣщія зѣницы
Какъ у испуганной орлицы...
въ „Поэтъ“: Душа поэта встрепетъ,
Какъ пробудившійся орелъ.

Итакъ, въ „Поэтѣ“ Пушкина мы видимъ художественный образъ, который возникъ въ его душѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, постепенно созрѣвалъ и въ законченной формѣ вылился въ 1826 г. въ „Пророкъ“. Съ „Пророкомъ“ Лермонтова сравниваютъ обыкновенно „Пророка“ Пушкина; но это величины несравнимыя, по основнымъ идеямъ, и по моментамъ ихъ, такъ сказать, хронологическаго пріуроченія къ образамъ. Къ „Пророку“

Лермонтова ближе стоит „Поэтъ“ Пушкина, и нельзя отрицать возможности прямого литературнаго вліянія въ данномъ случаѣ Пушкина на Лермонтова.

* *
*

Въ педагогической практикѣ все болѣе и болѣе завоевываютъ себѣ мѣста темы изъ Пушкина. На письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости по русскому языку въ 1893 году въ петербургскомъ учебномъ округѣ писали на тему: „Въ какомъ смыслѣ Пушкинъ можетъ быть названъ первымъ русскимъ поэтомъ?“, въ кievскомъ — „Мысли Пушкина о призваніи и назначеніи поэта“. Судя по отзывамъ официальныхъ рецензентовъ, сочиненія вышли не совсѣмъ удовлетворительныя. Все слабое отнесено въ официальныхъ рецензіяхъ на счетъ учениковъ и преподавателей. Мнѣ кажется, что кое-что нужно отнести также на счетъ несовсѣмъ удачнаго выбора темъ.

Петербургская тема слишкомъ широка и неопредѣленна. „Въ какомъ смыслѣ Пушкинъ можетъ быть названъ первымъ русскимъ поэтомъ?“ Отвѣты могутъ быть весьма разнообразны, и самая формулировка темы даетъ поводъ къ разнымъ отступленіямъ. Пушкинъ первый поэтъ по внѣшней величинѣ произведеній, по внутреннему художественному ихъ достоинству, по широтѣ таланта, по разносторонности и глубинѣ умственнаго кругозора, по возвышенности нравственнаго чувства, по отзывчивости на явленія современной жизни, по гениальному проникновенію въ смыслѣ историческаго прошлаго, по изяществу слога. Вообще, возникаетъ рядъ положеній, для разъясненія которыхъ требуется такая основательность научнаго образованія, какой не даетъ еще научная литература о Пушкинѣ. При всемъ томъ, официальный рецензентъ еще ставитъ на видъ недостатковъ сравненій Пушкина съ другими поэтами и отсутствіе указаній на самобытность и національность произведеній Пушкина. Такія требованія не отвѣчаютъ общей постановкѣ преподаванія въ гимназіяхъ исторіи русской литературы, ни

существующимъ пособіямъ и не оправдываются обстоятельствами времени и мѣста.

Столь же трудной представляется кievская тема. Въ этомъ отношеніи я расхожусь съ официальнымъ рецензентомъ, который призналъ тему сравнительно легкой, и еще болѣе расхожусь съ неизвѣстнымъ авторомъ „Житийскихъ набросковъ“ въ 36 № Недѣли 1894 г., который по поводу темы „Мысли Пушкина о призваніи и назначеніи поэта“ говоритъ: „Если нарочно придумывать другую тему, которая должна бы доставить ученикамъ меньше затрудненій, то и то едва ли выдумаешь. Всѣ (?) стихотворенія Пушкина, относящіяся къ этому вопросу, заучиваются наизусть (?) и неоднократно (?) комментируются (?) въ классѣ. Казалось бы, что вся разница въ сочиненіяхъ должна заключаться въ бoльшей или меньшей обстоятельности, въ бoльшемъ или меньшемъ изяществѣ изложенія. Но на дѣлѣ оказалось, что даже не всѣ ученики съумѣли понять тему. Въмѣсто прямого (?) рѣшенія предложеннаго вопроса, они занялись въ своихъ сочиненіяхъ не идущими къ дѣлу общими разсужденіями о Пушкинѣ и его поэтической дѣятельности“.

Пушкинъ во многихъ стихотвореніяхъ говоритъ о призваніи и назначеніи поэта—„Поэтъ“, „Поэту“, „Чернь“, „Пророкъ“. „Эхо“, „Влизъ мѣстъ . . .“, „Зачѣмъ крутится вѣтеръ“ и др. „Всѣхъ“ стихотвореній этого рода не проходятъ въ школѣ, и даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ не сгруппированы и не обслѣдованы всѣ поэтическія признанія Пушкина. Заучивается наизусть немного, да и то нѣсколько формально, безъ объясненія внутренней связи стихотвореній. Къ сожалѣнію, и въ наукѣ еще очень мало обслѣдованы мелкія стихотворенія Пушкина. Можно утверждать, что нѣкоторыя произведенія Пушкина о назначеніи поэта совсѣмъ не комментируются въ классѣ по той простой причинѣ, что въ самой научной литературѣ нѣтъ никакого къ нимъ комментарія (напр., къ стих. „Близъ мѣстъ . . .“). Превосходныя строфы „Зачѣмъ крутится вѣтеръ“ открыты лишь недавно (въ 80-хъ

годахъ); изданы онѣ въ приуроченіи къ концу сухой „Родословной моего героя“. Что написать сочиненіе на кievскую тему далеко не такъ легко, какъ это можетъ казаться, видно изъ печатныхъ статей. Возьму для примѣра статью опытнаго педагога, составителя разныхъ учебниковъ, директора гимназіи *И. М. Бѣлоруссова* въ Фил. Запискахъ 1880 г. кн. I. Статья озаглавлена такъ: „Личность Пушкина и взглядъ его на поэта и поэзію“. Если исключить многочисленныя выписки изъ стихотвореній Пушкина, что легко было сдѣлать г. Бѣлоруссову въ кабинетѣ и чего, понятно, не могли сдѣлать ученики гимназій на письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости — безъ выписокъ получается нѣсколько страницъ не совсемъ яснаго разсужденія о томъ, что въ „Черни“ Пушкинъ не имѣлъ въ виду простаго народа и что между „Чернью“ и „Пророкомъ“ нѣтъ внутренняго противорѣчія. Авторъ статьи не упоминаетъ о тѣхъ многочисленныхъ посланіяхъ Пушкина, гдѣ находятся разныя замѣчанія о назначеніи поэта (напр. посланіи къ анониму — Гулянову). Въ статьѣ лишь вскользь упомянуто „Эхо“ и обойдено молчаніемъ стих. „Близъ мѣсть...“. Если извѣстный педагогъ и опытный писатель не сумѣлъ съ надлежащей полнотой и отчетливостью опредѣлить мнѣнія Пушкина о значеніи поэта и поэзіи, то можемъ ли мы требовать отъ гимназистовъ восьмиклассниковъ „прямого рѣшенія“ вопросовъ о назначеніи поэта, да еще съ историческими параллелями и сравненіями.

Кромѣ трудности для пониманія и яснаго изложенія, кievская тема неудобна еще и по своей обрубленности. Составленіе плана — общее требованіе, и это требованіе иногда слишкомъ преувеличиваютъ, заставляя учениковъ составлять длинныя планы въ началѣ работы, вопреки общему психологическому закону созиданія плана во время самой работы при живомъ воздѣйствіи письма. Если планъ оказывается нужнымъ, то нужно предлагать ученикамъ такія темы, гдѣ выступалъ бы прозрачно естественный порядокъ въ распредѣленіи матеріала. Киевская

тема не даетъ простора для предварительной постройки плана и ведетъ къ тяжелымъ усиленіямъ мысли, нарушающимъ равновѣсіе духа, опасеніямъ, страху и пустословію.

Весьма возможно, что абитуриенты успѣшно справились бы съ предложенной имъ темой, если бы незадолго до письменныхъ испытаній зрѣлости по русскому языку во всѣхъ гимназіяхъ кievскаго учебнаго округа были заучены наизусть стихотворенія „Поэтъ“ и „Пророкъ“, съ надлежащими объясненіями со стороны учителей; но такого повсемѣстнаго и какъ-бы преднамѣреннаго усвоенія этихъ стихотвореній не могло быть. По всей вѣроятности, стих. „Поэтъ“ и „Поэту“ были читаны и затѣмъ забыты, тѣмъ болѣе, что эти два стихотворенія не отличаются яркими художественными образами. Къ тому же пониманіе ихъ для молодыхъ людей затруднительно, по идейному ихъ характеру.

Признавая за пушкинскими темами огромное воспитательное и образовательное значеніе, мы желали бы только, чтобы вопросы по выбору и формулировкѣ ихъ были разносторонне и обстоятельно разработаны въ педагогической литературѣ, въ зависимости отъ современнаго уровня научныхъ свѣдѣній о Пушкинѣ и согласно съ общей постановкой преподаванія исторіи русской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. При серьезномъ изученіи вопроса можно будетъ намѣтить цѣлый рядъ вполне подходящихъ темъ.

И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва . . . Таковъ
И ты, поэтъ.

XX.

Э х о.

По внутренней связи художественныхъ образовъ къ „Пророку“ и къ „Поэту“ примыкаетъ „Эхо“, независимо отъ того, что ближайшимъ поводомъ къ созданію „Пророка“ было одно мѣсто въ кн. пр. Исаи, а къ созданію „Эхо“ ирландская мелодія Томаса Мура. Это были поводы внѣшніе, случайные; это были искры, возжегшія давно уже накопленный въ душѣ поэта горячій матеріалъ. Поэтъ бѣжитъ въ пустыню и дубровы; пророкъ въ этой пустынѣ пріобрѣлъ отзывчивость на всѣ явленія и звуки природы, внялъ и содроганье неба и дольней лозы прозябанье. „Содроганье неба“ можно понимать въ разныхъ значеніяхъ, и наиболее естественное объясненіе будетъ, что пророкъ открылъ тайный смыслъ въ „грохотѣ громовъ“ и въ „гласѣ бури“. Послѣ этого глубокаго смысла получаетъ стихотвореніе „Эхо“. Объ этомъ стихотвореніи мы скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ все существенное по вопросу объ оригинальности этого стихотворенія было уже высказано въ печати.

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,

Стихотвореніе это напечатано Пушкинымъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1832 г. и затѣмъ перепечатывалось во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, съ помѣткой, что стихотвореніе это взято изъ Томаса Мура (изд. Ефремова 1880 г., Литературн. фонда, Павленкова и друг. 1887 г.).

Въ изданіи г. Льва Поливанова 1887 г. (т. I, стр. 355) приведено стихотвореніе Т. Мура „Echo“ въ англійскомъ подлинникѣ и въ прозаическомъ переводѣ на русскій языкъ. Г. Поливановъ основательно при этомъ замѣчаетъ, что „все сходство съ этимъ стихотвореніемъ въ пьесѣ Пушкина ограничивается заглавіемъ и размеромъ стиха, впрочемъ съ тою разницею, что среди четырехъстопныхъ стиховъ стихи трехъстопные, 2 и 5-ый, каждой строфы Мура являются у Пушкина 4-мъ и 6-мъ. Содержаніе различно: у Мура эхо — символъ любви, у Пушкина — символъ отзывчивости поэта, не встрѣчающаго отзыва своимъ пѣснямъ“.

Въ Русскомъ Архивѣ 1888 г., т. II, стр. 500—501, г. И. X. въ замѣткѣ „За Пушкина“ также привелъ стихотвореніе Мура и слѣдующій весьма близкій и точный стихотворный переводъ на русскій языкъ:

Какъ сладостно отвѣчаетъ Эхо
Музыкѣ ночью,
Когда пробужденное лютней или звукомъ рога
оно просыпается
И далеко по лугамъ и по водамъ
Идетъ, слегка ей отвѣчая.

*

Но эхо любви гораздо вѣрнѣе
И гораздо сладостнѣе,
Чѣмъ когда-либо при свѣтѣ мѣсяца

Роговъ, или лютни, или томной гитары
Повторные звуки.

*

Такъ бываетъ, когда, во дни простосердечной
юности

И только тогда,
Вырывается у насъ изъ груди вздохъ слыши-
мый ею одною,

И когда она, единственно дорогая,
Отвѣчаетъ намъ на него вздохомъ.

Стихотвореніе Мура хитроумное, особенно въ послѣдней строфѣ. Въ переводѣ г. Х. послѣднія двѣ строки говорятъ о ней, т. е. любимой женщинѣ, въ переводѣ г. Поливанова — о немъ, миломъ, у Мура „one“, безъ опредѣленія пола.

У Пушкина 12 строкъ, у Мура — 15. Въ содержаніи нѣтъ ничего общаго. Г. И. Х. основательно замѣчаетъ, что „Эхо“ Мура ни по мысли, ни по выраженію не имѣетъ никакого сходства со стихотвореніемъ Пушкина. Г. Х. добавляетъ далѣе, что Пушкинъ еще въ 1822 г. въ письмѣ къ вн. Вяземскому винилъ Жуковского въ пристрастіи къ Муру: „Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла-Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди“. Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Вяземскому: „Знаешь, почему не люблю я Мура? Потому что онъ черезчуръ ужъ восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранять вкусъ и взоръ европейца“ (*Рус. Арх.* 1888, т. II, 501).

Это рѣзкое сужденіе Пушкина о Мурѣ не совпадаетъ съ отзывами о немъ западныхъ писателей. *Шерръ* во „Всеобщей исторіи литературы“ (стр. 441—445) расхваливаетъ „Ирскія мелодіи“ и „Лалла-Рукъ“. О первыхъ онъ говоритъ, что это „прекраснѣйшій памятникъ, какой только поставилъ себѣ Муръ въ исторіи поэзіи“,

о „Лалла-Рукъ“, что „Муръ разлилъ (здѣсь) самыя поразительныя краски своею неподражаемою поэтической живописи“, которая . . . „внесла все волшебство западной романтики въ самую среду востока, вовсе не уничтожая притомъ мѣстнаго колорита, вѣрность котораго съ восторгомъ выхвалялъ такой знатокъ, какъ Байронъ“. Судя по послѣднимъ словамъ Шерра, Байронъ въ оцѣнѣ Мура діаметрально расходился съ Пушкинымъ.

Брандесъ въ „Главн. теч. литер. XIX ст.“ во 2 ч. (Англійская литература) въ обширной статьѣ (стр. 165—207) съ большою похвалою отзываясь о политическихъ и эротическихъ стихотвореніяхъ Мура, причемъ приводитъ отзывъ Вальтеръ Скота, что Муръ не былъ педантомъ. По словамъ Брандеса, „Ирскія Мелодіи“ (1807 г.) послужили Муру дипломомъ на безсмертіе . . . Это душистый вѣнокъ, сплетенный изъ грусти, воодушевленія и нѣжности, которыми онъ обвилъ чело своей родины, какъ обвиваютъ чело усопшаго“. „Лалла-Рукъ“ (1817 г.) написана послѣ самаго добросовѣстнаго изученія предмета, въ ней нѣтъ ни одного образа, ни одного историческаго факта или извлеченія изъ пѣсенъ, которые не выходили бы изъ кругозора европейцевъ и не свидѣтельствовали о близкомъ знакомствѣ автора съ жизнью и природой востока“. . . Этотъ отзывъ Брандеса также прямо противоположенъ мнѣнію Пушкина. Въ другомъ мѣстѣ Брандесъ говоритъ, что Муръ, какъ эротическій поэтъ, „одинъ изъ самыхъ великихъ и самыхъ музыкальныхъ, какіе когда либо существовали“.

Послѣ этихъ отзывовъ Вальтеръ Скота, Байрона, Шерра и Брандеса нѣсколько страннымъ и загадочнымъ представляется рѣзкое осужденіе поэзіи Мура Пушкинымъ и его несомнѣнная антипатія къ этой поэзіи. Муръ былъ поэтомъ угнетеннаго народа, и эта выдающаяся его особенность не только не была замѣчена Пушкинымъ, но, быть можетъ, оказалась для него антипатичной, такъ какъ въ душевномъ складѣ самого Пушкина не было соответствующей черты, что стоитъ въ связи съ отсутствіемъ

у Пушкина прочныхъ политическихъ убѣжденій. Всѣ политическія стихотворенія Пушкина, какъ раннія вольнодумныя, такъ и позднія національно-патріотическія, случайны, въ значительной степени витіеваты, плохо вяжутся съ главными мотивами его поэзіи. Пушкинъ былъ отзывчивъ на всякое личное горе; понималъ онъ и общественныя страданія, вытекавшія изъ закрѣпощенія личности, но къ національнымъ обидамъ и страданіямъ онъ относился съ равнодушіемъ, гдѣ бы они ни встрѣчались — въ жизни или въ поэзіи. Потому Пушкинъ совсѣмъ не замѣтилъ ирландскихъ и славянскихъ національныхъ симпатій и антипатій, а къ греческому возрожденію отнесся поверхностно, съ мимолетнымъ сочувствіемъ и вскорѣ съ поспѣшнымъ осужденіемъ — все это характерныя національныя черты величайшаго русскаго поэта, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ гуманнѣйшаго человѣка. Эти черты Пушкина выступаютъ рельефнѣе, если сравнить его съ тѣми поэтами, которыхъ онъ болѣе всего любилъ и которымъ часто подражалъ, т. е. поэтами англійскими. Послѣдніе — политики безъ исключенія; поэзія у нихъ самымъ тѣснымъ образомъ переплетена съ политикой. Уордсвортъ и Соути официальные поэты, лауреаты; они *progrіo motu* и *ex officio* писали панегирики на разныя событія въ королевской семьѣ, Соути съ примѣсью англійскаго лицемѣрія и ханжества. Томасъ Муръ, Шелли и Байронъ склонялись на сторону республиканизма и радикализма. Въ особенности интересно провести параллель между Пушкинымъ и Байрономъ. Извѣстно, что Байронъ оказалъ могучее вліяніе на Пушкина, до сихъ поръ еще не вполне выясненное въ подробностяхъ, но вліяніе это почти вполне свободно отъ политики. Въ то время какъ Байронъ, при всей силѣ поэтическаго дарованія, постоянно путался въ политику и хотѣлъ, чтобы его считали за политическаго дѣятеля, самъ указывалъ на небрежность своей поэтической дѣятельности и вообще старался быть диллетантомъ въ сферѣ такой дѣятельности, которая была его призва-

ніемъ и создала ему вѣчную славу, Пушкинъ, наоборотъ, всегда видѣлъ въ себѣ поэта по призванію, открыто и многократно говорилъ о себѣ какъ о писателѣ. Для политическаго направленія у Пушкина не было исторической почвы: онъ чувствовалъ искусственность такого направленія въ поэзіи Рылѣва и не замѣчалъ или точнѣе обходилъ политическія тенденціи англійской поэтической литературы.

При всѣхъ сравненіяхъ Пушкина съ Байрономъ и другими корифеями западной литературы нельзя упускать изъ виду своеобразныхъ условій тогдашней русской жизни, связывавшихъ Пушкина по рукамъ и ногамъ. Довольно того, что П. не имѣлъ права свободнаго передвиженія, не могъ побывать за границей, не могъ видѣть Италіи, куда онъ страстно стремился, гдѣ и Байронъ и Гете нашли богатые условія для художественнаго развитія. Гений Пушкина росъ и развивался въ разнообразныхъ и несокрушимо прочныхъ оковахъ, и нужно только удивляться, что онъ могъ вырости до такого величія и красоты.

Возвращаясь къ „Эху“, мы должны обратить вниманіе на жалобу поэта, что, при всей его отзывчивости на явленія жизни, онъ не встрѣчаетъ соотвѣтствующаго отзыва, т. е. сочувствія и признательности. Пушкинъ имѣлъ много основаній высказать такую жалобу, какъ отчасти уже разъяснено нами при разборѣ стих. „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ...“ Были у П. поклонники, изъ любителей литературы, разсыянные по губернскимъ городамъ и помѣщичьимъ усадьбамъ. Общества, общественнаго мнѣнія не было. Когда П., собирая матеріалы для исторіи пугачевского бунта, заѣхалъ въ Оренбургъ, то тутъ ему дали обѣдъ, и П. писалъ объ этомъ женѣ, какъ о чемъ то выходящемъ изъ ряду вонъ. Нужно сравнить, какъ чествовали въ то время поэтовъ и художниковъ въ Англии и во Франціи, чтобы понять уединенное положеніе П. въ Россіи. Когда въ 1825 г. Томасъ Муръ пріѣхалъ въ Единбургъ въ гости къ Вальтеръ Скотту и за-

шелъ въ мѣстный театръ, публика привѣтствовала его съ восторгомъ. Крайне угнетенные и загнанные ирландцы съ восторгомъ и великими почестями принимали В. Скотта. Имя В. Скотта было на всѣхъ устахъ и было знакомо даже необразованнымъ его соотечественникамъ шотландцамъ. Во время страшной давки въ Лондонѣ въ 1823 г. по случаю празднествъ коронаціи, жизнь В. Скотта подверглась опасности въ особенности по причинѣ его хромоты. Шотландскіе гвардейскіе драгуны, стоявшіе на площади, никого не пропускали за кордонъ на просторное мѣсто. Одинъ изъ спутниковъ В. Скотта, замѣтивъ, что прямо на него, какъ волна, катится новая громадная толпа, воскликнулъ: „Сэръ, Вальтеръ Скоттъ, берегитесь!“ Лишь только драгунъ услышалъ это имя, онъ воскликнулъ: „Какъ? Сэръ Вальтеръ Скоттъ? Для него вездѣ открытъ проходъ!“ и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ: „Дайте дорогу нашему великому соотечественнику сэру Вальтеръ Скотту!“ Солдаты отвѣчали: „Сэръ Вальтеръ Скоттъ! Да благословитъ его Господь!“ Французская армія принимала въ Африкѣ Гораса Вернэ ¹⁾ съ барабаннымъ боемъ, музыкой и такими военными почестами, какія оказываются высшимъ военнымъ начальникамъ (*Брандесъ*, Англійск. литер. 140).

Пушкинъ по геніальности не чета В. Скотту или Муру, и при всемъ томъ какъ жестоко третировалъ его тогдашній петербургскій beau-monde! Какой узкій эгоизмъ и пошлость окружали Пушкина въ его собственной семьѣ, прежде всего въ лицѣ его жены и ея многочисленной родни. Извѣстно, что въ 1837 году изъ дворянства цѣлой губерніи не нашлось ни одного подписчика на полное собраніе сочиненій Пушкина (*Кирпичниковъ*, Достоевскій и Писемскій, 17). Генераль Дуббельтъ съ истинно военной откровенностью назвалъ дрянью всѣ сочиненія Пушкина. По временамъ Пушкинъ уходилъ отъ

¹⁾ Знаменитый живописецъ (1789—1863). Подробности см. въ Энциклоп. словарь *Брокгауза и Ефрона* XI 44—45.

этой черни въ поэзію, на что онъ самъ указалъ въ концѣ VI пѣсни Евгенія Онѣгина:

. . . . ты младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголь чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньѣ свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ . . .
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопей добровольныхъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разчетовъ, думъ разговоровъ —
Въ семь омутъ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

Всю жизнь Пушкинъ стремился за границу; въ минуты сильной душевной тревоги онъ готовъ былъ ѣхать въ Китай. Незадолго до своей смерти Пушкинъ говорилъ А. О. Смирновой: „Увезите меня въ одномъ изъ вашихъ чемодановъ; вашъ же бояринъ Николай меня смущаетъ. Не далѣе какъ вчера онъ совѣтовалъ мнѣ поговорить съ Государемъ, сообщить ему обо всѣхъ моихъ невзгодахъ, просить у него заграничный отпускъ. Но все семейство подниметъ гвалтъ. Я смотрю на Неву и мнѣ безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароходъ . . . Еслибъ я это сдѣлалъ, чтобы сказали? Сказали бы: онъ корчитъ изъ себя Байрона. Мнѣ кажется, что мнѣ сильнѣе хочется уѣхать очень; очень далеко, чѣмъ въ ранней молодости, когда я просидѣлъ два года въ Михайловскомъ, одинъ на одинъ съ Ариной, вмѣ-

сто всякаго общества. Впрочемъ, у меня есть предчувствія: я думаю, что уже недолго проживу“ (*Съвер. Вѣстн.* 1894, IX, 229).

Превосходнымъ комментариемъ къ „Поэтъ“, „Поэту“, „Эхо“ и „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“ Пушкина могутъ служить нѣкоторыя стихотворенія А. Н. Майкова, Ѳ. И. Тютчева и гр. А. К. Толстаго. Больше всего даетъ Майковъ, напр., въ стих. „Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ“ (II, 69). Здѣсь поэтическая мысль ждетъ „чьего то лишь знака“, чтобы вырваться изъ мрака; въ стих. „Художнику“ (II, 132) мигъ поэтическаго блаженства не долговъ, и ночь обычной жизни быстро задергиваетъ темный пологъ. Въ „Октавѣ“ (I, 5) поэтъ прислушивается душой къ шептанью тростниковъ и говору дубровы; въ „Чужой для всѣхъ“ (III, 111) онъ свѣтитъ толпѣ съ горы и отвѣчаетъ на ея воззванія. „Мысль поэта“ (I, 29) Майкова по смыслу, поэтическимъ образамъ и силѣ очень близко подходитъ къ „Зачѣмъ крутится вѣтръ“ Пушкина. У Майкова мысль поэта свободна, какъ молнія или какъ орелъ.

XX.

Шотландская пѣсня.

Воронъ къ ворону летить,
Воронъ ворону кричить:
Воронъ, гдѣ-бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подъ ракитой
Богатырь лежитъ убитый.

Кѣмъ убитъ и отчего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соволь въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
И хозяйка ждетъ милова,
Не убитаго, живова.

Шотландская пѣсня была напечатана первоначально подъ заглавіемъ „Два ворона“; но затѣмъ это заглавіе уничтожено, но указано, что это шотландская пѣсня (*Ефремовъ*, Соч. Пушкина. II, 423). Шотландская пѣсня, какъ

многое другое, свидѣтельствуешь о разностороннихъ литературныхъ интересахъ и обширной начитанности Пушкина. Попробуемъ опредѣлить англійскій источникъ Шотландской пѣсни и способъ обработки ея Пушкинымъ.

Въ замѣчательномъ собраніи англійскихъ и шотландскихъ балладъ, составленномъ Чайльдомъ (*Child, The english and scottish ballads*), въ I т. подъ № 26, помѣщены народныя шотландскія пѣсни о трехъ воронахъ, весьма близкія въ пушкинскому переводу, послужившія для Пушкина оригиналомъ въ одномъ изъ болѣе раннихъ изданій. Впервые пѣсня „*The three ravens*“ была, по указанію Чайльда, издана въ 1611 г., затѣмъ она входила въ сборники пѣсенъ, изданные въ 1790, 1803 и 1818 годахъ.

As i was walking all alane,
I heard twa corbies making a mane;
The tane unto the t'other say,
„Where sall we gang and dine to-day?“

In behint yon auld fail dyke,
I wot there lies a new slain knight;
And naebody kens that he lies there,
But bis hawk, his hound and lady fair.

His hound is to the hunting gane;
His hawk to fetch the wild-fowl hame,
His ladg's ta'en another mate,
So we may mak our dinner sweet.

Je'll sit on his white hanse-bane,
And i'll pike out his bony blue een;
Wi ae lock o his gowden hair
We'll theek our nest when it grows bare.

Many a one for him makes mane,
But nane sall ken where he is gane;
Ooer his white banes, when they are bare,
The wind sall blaw for evermair.

Въ близкомъ переводѣ на русскій языкъ получаемъ слѣдующее:

„Когда я гулялъ одинъ, я услышалъ карканье двухъ вороновъ. Одинъ сказалъ другому: „Куда мы полетимъ и (гдѣ будемъ) сегодня обѣдать?“

Я былъ за старой развалившейся греблей; я видѣлъ тамъ недавно убитаго рыцаря, и никто не знаетъ, что онъ тамъ лежитъ; только (знаютъ) его соколъ, собака и красивая любовница.

Собака побѣжала на охоту; соколъ полетѣлъ за дичью (чтобы схватить дичь домой); его любовница полюбила другаго; такъ что мы можемъ получить сладкій обѣдъ.

Ты сядешь на его костяхъ; я буду влевать его красивые голубые глаза; мы будемъ смотрѣть на его золотые волосы, и мы полетимъ въ свои гнѣзда, когда огоримъ трупъ.

Нѣкоторые пожалѣютъ о немъ; но никто не узнаетъ, гдѣ онъ погибъ. На его бѣлыя кости, когда они будутъ обглоданы, вѣчно будетъ дуть вѣтеръ“.

Обращаясь къ Пушкину, мы теперь видимъ, что изъ пяти строфъ шотландской пѣсни онъ взялъ первыя три и передалъ ихъ въ четырехъ строфахъ въ близкомъ переводѣ, причемъ сохраненъ духъ оригинала. Въ то же время въ высшей степени искусно въ переводъ введенъ русскій народный эпическій элементъ. Въ шотландскомъ оригиналѣ „рыцарь лежитъ за старой развалившейся плотиною (*auld fail dyke*)“; у Пушкина богатырь лежитъ въ чистомъ полѣ подъ равиной. Далѣе охотничья собака шотландской пѣсни замѣнена вороннымъ конемъ, что также отзывается русскимъ степнымъ эпосомъ. Наконецъ, красивая любовница англійской пѣсни у Пушкина является молодой хозяйкой. Пушкинъ выдержалъ общій планъ стихотворенія и необыкновенно отчетливо и рельефно передалъ основную его мысль.

Послѣднія двѣ строфы шотландской баллады отброшены, какъ лишнія; но я готовъ думать, что и эти стро-

фы не прошли безслѣдно для художественнаго творчества Пушкина. Вспомнимъ „Пѣсню о вѣщемъ Олегѣ“ (1822 г.). Здѣсь находятся такія строки о конѣ Олега:

. . . на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежать благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди; засыпаютъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Мы не знаемъ, когда Пушкинъ ознакомился съ шотландской балладой о двухъ воронахъ. Если Пушкинъ прочелъ ее до 1822 г., что весьма возможно, такъ какъ въ это время онъ уже зналъ англійскій языкъ, то приведенныя строки могли возникнуть подъ вліяніемъ заключительныхъ стиховъ шотландской баллады

Oer his white banes, when they are bare,
The wind shall blaw for evermair.

Къ слову, объ одной особенноти шотландской пѣсни въ оригиналѣ: На ряду съ заглавіемъ Two corgbus, т. е. два ворона, встрѣчается и Чайльдомъ принято за главное The three ravens, т. е. три ворона, хотя въ пѣснѣ переговариваются лишь два ворона. Чайльдъ не объясняетъ, съ какою стати вмѣсто подходящаго two является чаще three. Предполагаемъ, что здѣсь обнаружилась свойственная всѣмъ народамъ привычка къ троенію поэтическихъ образовъ.

XXI.

Къ А. П. Кернъ.

Я помню чудное мгновеніе:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,[!]
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ матежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденіе:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ;
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,

И жизнь, и слезы, и любовь.

Анна Петровна Кернъ (урожд. Полторацкая) была племянница Праск. Александр. Осиповой. Почти ребенкомъ она вышла замужъ за старика генерала. Она была

чрезвычайно хороша собой, и ея красота поразила Пушкина еще въ Петербургѣ. Кернъ оставила записки о своемъ знакомствѣ съ поэтомъ. Она рассказываетъ въ нихъ, что послѣ первой встрѣчи съ Пушкинымъ шесть лѣтъ не видала его, но сильно желала видѣть, восхищаясь его поэмами (*Незеленовъ*, I, 233). Пушкинъ помнилъ о Кернъ и въ одномъ письмѣ къ ея знакомой Вульфъ приписалъ сбоку по-французски: „видѣніе пронеслось мимо насъ, мы видѣли и никогда опять не увидимъ“. Г. Незеленовъ говоритъ, что эта приписка взята изъ Байрона; скорѣе изъ другаго англійскаго источника — Уордсворта, о чемъ ниже. Въ іюнѣ 1825 г. Кернъ пріѣхала на короткое время въ Тригорское. Пушкинъ читалъ ей „Цыганъ“, гулялъ съ ней въ лунныя ночи и быстро влюбился. Въ разговорѣ онъ вспомнилъ, что А. П. при первой встрѣчѣ имѣла „дѣвственный видъ“ (*un air si virginal*). Въ день отъѣзда Кернъ получила отъ Пушкина выписанное выше стихотвореніе. Проф. Незеленовъ подробно говорить о дальнѣйшей перепискѣ Пушкина съ Кернъ, которая увлеклась поэтомъ и готова была бросить мужа и уйти къ Пушкину. По словамъ г. Незеленова, „П. любилъ Кернъ искренно, но не какъ равную себѣ, а какъ существо привлекательное, милое, но нѣсколько пустое и легкое“. Любовь капризна, и въ отношеніи П. къ К. могли быть различныя отбѣнки, въ зависимости отъ борьбы разсудка съ чувствомъ. Чувство влекло поэта къ красавицѣ; воображеніе рисовало очаровательную картину счастья; но холодный разсудокъ напоминалъ, что Кернъ замужня женщина, что мужъ ея не безъ вѣса и вліянія, что Пушкинъ опальный. Для надлежащаго пониманія стихотворенія „Я помню“ не имѣетъ большаго значенія послѣдующая переписка съ Кернъ; важнѣе тѣ письма и разговоры, которые предшествовали этому стихотворенію. Въ припискѣ на письмѣ къ Вульфъ уже обнаруживается идеализація красоты, сложившаяся, видимо, подъ вліяніемъ иноземнаго литературнаго источника. Я склоненъ думать, что Пушкинъ, составляя

любвное письмо, находился подъ вліяніемъ слѣдующаго стихотворенія Уордсворта:

She was a Phantom of delight
 When first she gleamed upon my sight;
 A lovely Apparition, sent
 To be a moment's ornament;
 Her eyes as stars of twilight fair,
 Like twilight's, too, her dusky hair;
 But all things else about her drawn
 From May-time and the choerful dawn;
 A dancing shape, an image gay,
 To haunt, to startle and way-lay.
 I saw her upon nearer view,
 A spirit, yet a waman too.
 Her household motions light and free,
 And steps of virgin-liberty;
 A connetenance in which did meet
 Sweet ricords, promises as sweet;
 A creature not too bright or good
 For human natur's daily food;
 For trensiens sorrows, simple wiles,
 Praise, blame, love, kisses, tears and smiles.
 And now i see with eye serene
 The very pulse of the machine;
 A being breathing thought ful breath,
 A traveller between life and death;
 The reason firm, the temperate will,
 Endurance, foresight, strength and skill,
 A perfact woman, nobly planned,
 To worn, to comfort and command;
 And yet a spirit still, and bright
 With something of angelic light.

Въ переводѣ на русскій языкъ стихотвореніе У. много теряетъ. Нѣкоторыя мѣста трудно перевести близко къ подлиннику, напр. „nobly planned“, а между тѣмъ близкій переводъ представляется въ настоящемъ случаѣ

необходимымъ, такъ какъ только изъ такого перевода выясняется, что первые четыре стиха въ посланіи къ Кернъ представляютъ собственно переводъ первыхъ четырехъ стиховъ Уордсворта. „Она была фантомъ наслажденія, когда впервые промелькнула передъ моимъ взоромъ; милое видѣніе, ниспосланное чтобы быть украшеніемъ момента; ея глаза, какъ прекрасныя ночныя звѣзды; ея темныя волосы подобны ноци; все остальное въ ней напоминало майскій день и радостную зарю. Этотъ веселый и милый образъ радовалъ и плѣнялъ. Потому я ближе увидѣлъ ее — Духъ и въ то же время женщина. Ея движенія легки и вольны; ея походка дѣвственно свободная. Въ ея лицѣ сладкія воспоминанія и сладкія надежды. Существо это не было слишкомъ прекраснымъ и недоступно высокимъ для человѣческой обыденной природы, для преходящихъ печалей, для простыхъ хитростей, похвалы, порицанія, любви, поцѣлуевъ, слезъ и улыбокъ. Теперь я вижу ее ясно: это существо полное мысли, работница между жизнью и смертью, твердый расудокъ, умѣренность, терпѣніе, предусмотрительность, сила и ловкость, совершенная женщина, хорошо сложенная, способная заботиться (о мужчинѣ), окружить его удобствами и повелѣвать, и въ то же время это Духъ, ослѣненный чѣмъ то въ-родѣ ангельскаго сіянія“.

Стихотвореніе Уордсворта, должно быть, носилось передъ мысленными очами Пушкина, когда онъ сдѣлалъ на письмѣ приписку о видѣніи, что прямо является зародышемъ первой строфы ст. „Я помню“ . . . Въ основѣ лежитъ „Phantom of delight“ Уордсворта. Весьма возможно, что и въ разговорѣ съ Кернъ Пушкинъ вспомнилъ о дѣвственномъ ея видѣ не только потому, что такъ было въ прошломъ, но также потому, что объ этой прекрасной чертѣ прошлаго напомнилъ или только ее закрѣпилъ въ памяти стихъ Уордсворта „Her household motions light and free and steps of virgin liberty“.

Личность А. П. Кернъ мѣтко обрисована въ Запискахъ А. В. Никитенка (I, 225 и сл.). Никитенко по-

знакомился съ Кернъ въ 1827 г. и сразу влюбился въ нее. Нужно думать, что Кернъ обладала особенно сильнымъ даромъ очарованія, когда она сразу поборила сердце Никитенка, человека вообще равнодушнаго къ женской красотѣ. Умъ и чувство Никитенка были такъ поглощены общественными интересами, что для личныхъ увлеченій у него не оставалось ни времени, ни охоты. И при всемъ томъ Никитенко поддался чарамъ красоты Кернъ, причемъ, нужно добавить, эта женщина умѣла усилить обаяніе красоты значительной дозой кокетства, чувственности и смѣлости. Подъ 23 числомъ мая 1827 г. Никитенко записалъ: „Нѣсколько дней назадъ г-жа Штеричъ праздновала свои именины. У ней было много гостей, и въ томъ числѣ новое лицо, которое произвело на меня довольно сильное впечатлѣніе; оно мгновенно приковало къ себѣ мое вниманіе. То было лицо молодой женщины поразительной красоты. Но меня болѣе всего привлекала къ ней трогательная томность въ выраженіи глазъ, улыбки, въ звукахъ голоса. Молодая женщина эта—генеральша Анна Петровна Кернъ, рожденная Полторацкая. Отецъ ея, малороссійскій помѣщикъ, вообразилъ себѣ, что для счастья его дочери необходимо мужъ генераль. Послѣдній наконецъ явился. Ему было за 50 лѣтъ. Густые эполеты составляли его единственное право на званіе человека. Прекрасная и къ тому же чуткая, чувствительная Анета была принесена въ жертву этимъ эполетамъ. Съ тѣхъ поръ жизнь ея сдѣлалась сплетеніемъ жестокихъ горестей. Мужъ ея былъ не только грубъ и вполне недоступенъ смягчающему вліянію ея красоты и ума, но еще до крайности ревнивъ. Онъ ревновалъ ее даже къ отцу. Восемь лѣтъ промаялась молодая женщина въ такихъ тискахъ, наконецъ, потеряла терпѣніе и добилась разлуки. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ Петербургѣ очень уединенно. У нея дочь, которая воспитывается въ Смольномъ монастырѣ“. Это сужденіе Никитенка ошибочно и пристрастно, какъ видно изъ его же дальнѣйшихъ Записокъ. Кернъ вела несомнѣнно уеди-

ненную жизнь, принимала у себя, кромѣ Пушкина и Никитенка, легкомысленныхъ французскихъ выходцевъ, въ разговорѣ съ молодыми мужчинами быстро переходила въ „интимный, задумчивый тонъ“, искусно кокетничала, напр., заставила однажды Никитенку разматывать шелкъ, прислала ему свою автобіографію съ просьбой принять ее за сюжетъ романа. Черезъ мѣсяць 24 іюня 1827 г. Никитенко внесъ въ свой дневникъ уже такое о ней замѣчаніе. „Женщина эта очень тщеславна и своенравна. Первое есть плодъ лести, которую безпрестанно расточали ей красотѣ, а второе есть плодъ перваго, соединеннаго съ небрежнымъ воспитаніемъ и безпорядочнымъ чтеніемъ“. Иногда Никитенко встрѣчался у Кернъ съ Пушкинымъ. Можно думать, что пріѣздъ Пушкина въ Петербургъ разстроилъ романъ Никитенка. Въ дневникѣ подъ 24 мая Никитенко отмѣтилъ, что Кернъ „находилась въ упоеніи радости отъ пріѣзда поэта, съ которымъ она давно въ дружеской связи. На мою долю, замѣчаетъ Никитенко, выпало всего два-три ледяныхъ комплимента, и то чисто литературныхъ... Далъ себѣ слово больше не думать о красавицѣ“. Н. старался „держатъ сердце на привязи“; но Кернъ звала его къ себѣ, приглашала дня на три въ Павловскъ, и Н. не устоялъ, въ Павловскѣ ѣздилъ, шелкъ моталъ, видѣлъ и признавалъ, что Анна Петровна „пускала въ ходъ весь арсеналъ своего очаровательнаго кокетства“. Увлеченіе Н. не было особенно сильно и устойчиво, и имя А. П. Кернъ какъ-то незамѣтно исчезаетъ со страницъ „Записокъ“. Повидимому, эта женщина быстро зажигала у мужчинъ чувство любви, но не могла поддержать и надолго его сохранить. Пушкинъ хорошо ее понималъ, и этимъ объясняется шуточный тонъ его писемъ къ Кернъ.

XXII—XXIII.

Откуда къ намъ явилась ты...

Что свѣтъ зари...

Въ Русскомъ Архивѣ 1889, XI, 404—405, П. Е. Эрдели помѣстилъ „Воспоминанія о Пушкинѣ“, сообщенныя автору глубокимъ старцемъ (86 л.) П. П. Ларіемъ. Ларій служилъ въ военной службѣ, рано вышелъ въ отставку и былъ впоследствии елисаветградскимъ предводителемъ дворянства. Онъ съ другими офицерами бывалъ въ гостяхъ въ имѣніи Давыдовыхъ въ с. Каменкѣ Киевской губ., гдѣ Пушкинъ также часто бывалъ въ кишиневскій періодъ своей жизни (1820—1823 г.). Со словъ этого старца г. Эрдели записалъ слѣдующіе экспромты нашего великаго писателя, съ объясненіемъ вѣщнихъ обстоятельствъ ихъ происхожденія:

На одномъ изъ вечеровъ молодежь сѣла играть въ petit-jeu. Игра кончилась, начали разбирать фанты. Въ числѣ играющихъ была одна очень красивая дѣвушка, пріѣхавшая съ юга. За свой фантъ она прекрасно спѣла какой-то романсъ. Далѣе вынули фантъ Пушкина и закричали: „Скажите что-нибудь! Экспромтъ?“ Пушкинъ постоялъ нѣсколько секундъ, нахмурился и, обращаясь къ красивой южанкѣ, сказалъ:

Откуда къ намъ явилась ты,
Нежданный призракъ упоенья?
Ты, образъ радостной мечты,
Ты, милый гость воображенья.

Откуда ты, чужой цвѣтокъ,
 Гдѣ край, оставленный тобою?
 Какой задумчивый потокъ
 Бѣжалъ у ногъ твоихъ струею?
 Нѣтъ, ты не сонъ, ты не мечта:
 Мы, дѣва, всѣ тебѣ внимали;
 Твои волшебныя уста
 Намъ звуки дивныя шептали.
 Забудь подчасъ роскошный Югъ,
 Его сады, его долины,
 И иногда на часъ единый
 Припомни нашъ далекий кругъ.

Въ другой прїѣздъ въ Каменку П. П. Ларіи также засталъ Пушкина. Послѣ обѣда прошли всѣ въ гостиную. Бороздина, урожденная Давыдова, попросила Пушкина написать ей что-нибудь въ альбомъ. А. С., не заставляя себя долго просить, тутъ же при всѣхъ написалъ:

Что свѣтъ зари, что солнца лучъ,
 Что звѣзды яркія въ лазури,
 Что молній блескъ средь черныхъ тучъ
 Въ часы неукротимой бури,
 Что свѣтъ луны, когда глядитъ
 Она на зеркальныя воды!
 Нѣтъ! взоръ одинъ твой помрачить
 Красы волшебныя природы.

Сохраненныя памятью П. П. Ларіи стихотворенія такъ хороши, такъ проникнуты пушкинскимъ духомъ, что внесеніе ихъ въ будущія собранія сочиненій Пушкина вполне уместно и весьма желательно. Что это именно пушкинскія стихотворенія, можно доказать по разбору ихъ художественныхъ образовъ.

Только поэтъ съ могучимъ дарованіемъ Пушкина могъ начать первый экспромтъ такъ просто и естественно, прямо съ вопроса — откуда, ты, красавица? и затѣмъ такъ просто выразить удовольствіе по поводу ея пѣнія

и желаніе, чтобы и она сохранила пріятныя воспоминанія о радостной встрѣчѣ. Основныя психологическія чувства выражены въ той естественной послѣдовательности, какъ они зарождались въ душѣ. Кто былъ молодъ и помянуть свою молодость въ лучшихъ ея проявленіяхъ, вѣроятно, отыщется на днѣ своей души остатки подобныхъ психологическихъ движеній. Начало стиха съ вопроса, прямо вводящаго въ сущность дѣла — обычный пріемъ Пушкина, что видно, напр., изъ стихотвореній: „Что въ имени тебѣ моемъ?“, „Кто знаетъ край?“ и др.

Обращеніе къ мало знакомой дѣвушкѣ въ высшей степени деликатное. Всѣ похвалы общаго и въ то же время нѣжнаго романтическаго свойства, „образъ радостной мечты“, „милый гость воображенія“, „чужой цвѣтокъ“. Такія похвалы не могли задѣть самолюбіе другихъ лицъ участвовавшихъ въ игрѣ.

Вполнѣ пушкинскимъ характеромъ отличается стихъ:

Откуда ты, чужой цвѣтокъ,
 Гдѣ край, оставленный тобою?

Это было написано, вѣроятно, въ 1822 или въ началѣ 1823 г., такъ какъ въ воображеніи Пушкина въ это время уже вполне созрѣло художественное сравненіе дѣвицы съ цвѣтами. Еще ранѣе (въ 1820 г.) было написано стихъ. „О дѣва — роза“. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ 1822 г., въ строфѣ о робкихъ женахъ гаремъ въ гаремѣ, Пушкинъ говоритъ:

Такъ арабскія цвѣты
 Живутъ за стеклами теплицы.

Здѣсь слова „арабскія цвѣты“ вполне параллельны выраженію „чужой цвѣтокъ“.

Во 2 гл. Евгенія Онѣгина 1823 г.

Въ глуши подъ сѣнію смиренной,
 Невинной прелести полна,
 Въ глазахъ родителей, она (т. е. Ольга)
 Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
 Незнаемый въ травѣ глухой,
 Ни мотыльками, ни пчелой,

Позднѣ Пушкинъ сравнивалъ красивую дѣвушку не только съ цвѣтами, но и съ деревьями, напр., въ „Полтавѣ“ Марія Кочубей стройна „какъ тополь кievскихъ высотъ“, въ IV гл. „Евгенія Онѣгина“ въ письмѣ Онѣгина къ Татьянѣ:

Смѣнить не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты,—
Такъ дерево свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною...

Другой образъ въ первомъ экспромтѣ:

Какой задумчивый потокъ
Бѣжалъ у ногъ твоихъ струею?

—образъ также вполне пушкинскій, часто встрѣчающійся въ стихотвореніяхъ Пушкина начала двадцатыхъ годовъ, преимущественно въ стихотвореніяхъ 1823 г. Такъ, въ I главѣ „Евгенія Онѣгина“ (1823 г.):

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурною чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами...

Въ стих. „Ненастный день потухъ“ (1823 г.):

Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она,
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами....

Какъ эти подробности, такъ въ частности обращеніе Пушкина къ дѣвушкѣ съ просьбой

Забудь подчасъ роскошный Югъ,
Его сады, его долины

— все это обусловлено свѣжестью личныхъ воспоминаній поэта о южномъ берегу Крыма. Это мѣсто экспромпта стоитъ въ ближайшей психологической и литературной связи съ слѣдующими стихами Пушкина: въ „Желаніи“ 1821 г.:

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга...

Туда летать желаніи мои...

Я помню... и тѣнь, и шумъ, и красныя долины...

Сады татаръ...

Въ стих. „Ненастный день потухъ“ 1823 г. находимъ тотъ же эпитетъ „тамъ море движется роскошной пеленой“...

Самый мотивъ просьбы о воспоминаніи есть также излюбленный Пушкинымъ поэтической мотивъ и неоднократно встрѣчается въ его произведеніяхъ, напр., въ посланіи къ И. И. Пущину 1817 г. „Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ“, въ приложеніи къ дѣвушкѣ въ „Предчувствіи“ 1828 г.

Сравненіе дѣвицы съ цвѣткомъ вообще, съ розой, лиліей, размаринкомъ, барвинкомъ и др. въ частности, съ деревомъ вообще, съ тополемъ, сосной, калиной въ частности — сравненія этого рода глубоко-народны, т. е. излюблены русскимъ народомъ, и затѣмъ, такъ сказать, международны, излюблены южными и западными славянами, германскими и романскими народами. И потому цвѣты часто входятъ и въ народныя пѣсни, и въ народныя обряды, преимущественно свадебные и троицкіе; цвѣты вплетаютъ въ косу невѣсты, кладутъ въ башмаки, опоясываютъ ими, о чемъ см. мое соч. о свадебныхъ обрядахъ (1881 г.), стр. 183—185. Здѣсь лишь упомяну объ одномъ обрядѣ, не отмѣченномъ въ этомъ сочиненіи: у македонскихъ болгаръ передъ свадьбой фляшку съ виномъ обвиваютъ цвѣтами „здравецъ“, чтобы молодая была здорова, цвѣтами „темянушка“, чтобы молодая была чиста и непорочна, цвѣтами „пепенушкой“, чтобы молодая была бодрая (*Верховичъ*, 3). Литература идетъ по слѣдамъ народной словесности и въ самой широкой степени пользуется растительными символами женщины ¹⁾).

¹⁾ Не входя по этой части въ большія подробности, которыя завлекли бы насъ въ слишкомъ далекое отступление, мы въ параллель къ пушкинскому стиху о „чужомъ цвѣткѣ“, и въ особенности къ стиху: „такъ аравійскіе цвѣты живутъ за сте-

Если память Ларія оказалась безупречной относительно первого экспромпта Пушкина, и новая русская литература обязана ей сохранением одного из лучших своих достояний, то и относительно второго экспромпта

клами теплицы“, стихамъ прелестнымъ, но слишкомъ краткимъ, приведемъ одно превосходное стихотвореніе новѣйшаго малорусскаго поэта И. И. Манжуры († 1891 г.) — „Лилія“.

У пышныхъ палатахъ якогось магната
Роскошны льліи цвилы;
Ихъ люде здалека, де вихоръ да спека,
На втыху соби завезлы.
Любуютъ ихъ очи весели дивочи,
А часомъ и хмурый магнать
На нихъ якъ поглине, нудьга уразъ тане,
И пругъ на чоли вже не знать,
Отгякъ вони пышни, усякому втишни
Мырь въ сердце людське подають,
А люде не знаютъ и гадкы не мають,
Якъ слезы въ ноци вони льютъ.
Чого жъ то имъ шкода? Аджежъ и урода,
И роскишь, и шана имъ е...
Нелюба имъ шана у гордого пана,
Имъ краще убоге свое.
Имъ кращи у бидній краини ихъ ридній
За панську ту ласку здалысь
И спека пекуча, и вихоръ летючий,
Що ихъ опалялы колысь...

Далѣ слѣдуетъ прекрасное по гуманности и нѣжности примѣненіе поэтического образа къ дѣвушкѣ, захъавшей изъ далекаго края.

Такъ ты, моя крале, зъ далекаго краю,
Неначе льліи мои:
Сдається и на воли, у шани и холи,
Та все бо не въ риднимъ краи.
Твій поглядъ ясененькый, твій смихъ веселенькый,
Та щирая ласка твоя
Усихъ насъ еднають, усихъ насъ вытають,
Якъ тыхая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (нехай бо не вроку!)
Та й скажешъ: „життя тобі рай“;

Пушкина нѣтъ основаній для сомнѣній и отрицаній. Всѣ образы пушкинскіе, и весь строй стиха пушкинскій. Вещь маленькая, но блестящая по красотѣ. Всего 8 строкъ, и на этомъ крошечномъ пространствѣ мы видимъ міровой разбѣгъ могучей мысли, сразу охватившей въ послѣдовательномъ порядкѣ все теченіе лѣтнаго дня и лѣтней ноци во всей красѣ проявленія ихъ въ небесахъ и на землѣ. Начало съ ранняго утра—„Что свѣтъ зари“, далѣе день— „Что солнца лучъ“ (а какой только красоты не даетъ этотъ лучъ?), затѣмъ вечеръ — „Что звѣзды яркія въ лазури“, затѣмъ ночь—„молній блескъ и неукротимая буря“; такъ какъ у Пушкина все мрачное проходитъ, разрѣшается свѣтомъ (въ „Аквилонѣ“, „Аріонѣ“, „Тучѣ“), то въ ту же ночь—свѣтъ луны на зеркальныхъ водахъ, и все заканчивается похвалою женской красотѣ. Болѣе гениальнаго замысла трудно и представить себѣ; на такихъ мелочахъ, какъ этотъ экспромтъ, съ особенной яркостью блестятъ лучи пушкинскаго гениа. Пушкинъ былъ вполне правъ, когда въ „Мысляхъ на дорогѣ“ (1833 г.) замѣтилъ, что „мысль — великое слово“. Многія стихотворенія Пушкина потому и велики, что порождены великой мыслью. Въ настоящемъ случаѣ дѣло обстояло такъ: Женщина, вѣроятно, молодая и красивая, попросила поэта написать ей въ альбомѣ стихъ. Просьба безцеремонная и легкомысленная; новѣйшій поэтъ (Голенищевъ-Кутузовъ) въ такомъ случаѣ поступилъ также весьма безцеремонно, пожелавъ просительницѣ смерти. Пушкинъ

А вся жъ твоя втиха — поплакаты стыха,
Згадавши веселый свій край.

Стихотвореніе приведено цѣликомъ, и нѣтъ надобности доказывать, что въ „Лиліяхъ“ Манжура достигъ большой поэтической высоты. Здѣсь все превосходно — и образъ, и его примѣненіе. Съ какой бы стороны ни шла къ намъ музыка душевной силы и красоты, съ общепризнанныхъ литературныхъ вершинъ или изъ невѣдомыхъ закоулковъ — она всегда несетъ съ собой волну жизни, радость и наслажденіе.

въ этомъ отношеніи всегда былъ деликатенъ и предупредителенъ, хотя такія просьбы не доставляли ему удовольствія и могли ему внушить горькій стихъ въ „Отвѣтъ анониму“ 1830 года:

Холодная толпа взираетъ на поэта,

Какъ на заѣзжаго фигляра . . .

Задача предложена, и Пушкину нужно ее разрѣшить. Съ быстротой молніи проносится въ его головѣ вопросъ что писать? и въ отвѣтъ немедленно возникаетъ мысль, что женщина—вѣнецъ созданія, что она, слѣдовательно, выше и враще внѣшней природы; эта мысль моментально облекается въ стройное стихотвореніе, гдѣ сохранены слѣды послѣдовательнаго разбѣга мысли по міровому пространству въ поискахъ за красотами природы. Въ настоящемъ случаѣ Пушкинъ чрезвычайно быстро овладѣлъ мыслью и быстро подобралъ внѣшнюю форму для ея выраженія.

XXV.

О с е н ь .

Въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 31-го августа 1830 г. Пушкинъ говоритъ: „Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ; пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ“. Въ томъ же 1830 году было написано стихотвореніе „Осень“, изданное уже по смерти поэта съ эпиграфомъ изъ Державина „Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ“.

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ; дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей;
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отвѣзжія поля съ охотою своей—
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора; я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я боленъ:
Кровь бродитъ; чувства, умъ тоскою стѣснены;

Суровой зимой я болѣе доволенъ;
 Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны.
 Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
 Когда подъ соболемъ, согрѣта и свѣжа
 Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
 Скользишь по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣбъ!
 А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
 Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
 Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги—
 Медвѣдю надоѣсть. Нельзя же цѣлый вѣкъ
 Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
 Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
 Когда бъ не зной, да пыль, да комари, да мухи.
 Ты, всѣ душевныя способности губя,
 Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи:
 Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя—
 Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы старухи,
 И проводивъ ее блинами и виномъ,
 Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранять обыкновенно;
 Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
 Красною тихою, блистающей смиренно,
 Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
 Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
 Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
 Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
 Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
 Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
 Порою нравится. На смерть осуждена,
 Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва;
 Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
 Могильной пропасти она не слышитъ зѣва,
 Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ,
 Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ.

Примѣчаніе. Въ рукописи Пушкина 6 и 7 стихи первоначально были написаны такъ:

Нѣжнѣе слабago пчелинаго напѣва
 Звукъ рѣчи; на лицѣ еще багровый цвѣтъ....

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
 Приятна мнѣ твоя прощальная краса!
 Люблю я пышное природы увяданье,
 Въ багрецѣ и въ золото одѣтые лѣса,
 Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
 И отдаленные сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
 Здоровью моему полезень русскій холодъ;
 Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
 Чредой слетаетъ сонъ; чредой находитъ, голодъ;
 Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь;
 Желанія выпять; я снова счастливъ, молодъ,
 Я снова жизни полнъ; таковъ мой организмъ
 (Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
 Махая гриввою, онъ всадника несетъ—

И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звоенить промерзлый доль и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленіемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

(Въ рукоп. XI строфа зачеркнута поэтомъ).
Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,
Исианцы въ епанчахъ, жида, богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари—
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

XII.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятъ къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ,
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ:
Но, чу!... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XIII.

Плыветъ... Куда жъ намъ плыть?

Пушкинъ, очевидно, не предназначилъ этого стихотворенія для печати. Обращеніе къ читателю въ концѣ VIII строфы сдѣлано по привычкѣ и для риѣмы. Это—размышленія поэта по поводу его личныхъ чувствъ, одна изъ попытокъ объясненія художественнаго творчества. Въ историко-литературномъ отношеніи „Осень“—цѣнное стихотвореніе; здѣсь находятся элементы нѣкоторыхъ другихъ пушкинскихъ стихотвореній. Основные мотивы „Осени“ восходятъ къ юношескимъ впечатлѣніямъ Пушкина, что видно изъ большаго сходства „Осени“ съ стихотвореніями Пушкина 1816 г. „Сонъ“ и „Осеннее утро“. Всѣ эти стихотворенія интересны для уясненія психологіи Пушкина. Такъ, прежде всего характерно предпочтеніе осени.

У многихъ великихъ людей были свои излюбленные мѣсяцы и времена года, въ которые они преимущественно обнаруживали склонность къ труду, дѣлали наибольшее число наблюденій и открытій и создавали лучшія художественныя произведенія. Ломброзо обратилъ вниманіе на эту характерную черту гениальныхъ людей и въ сочиненіи „Гениальность и помѣшательство“ составилъ даже статистическую табличку, изъ которой оказывается, что для художественнаго творчества наиболѣе благоприятнымъ мѣсяцемъ представляется май, за нимъ слѣдуютъ сентябрь и апрѣль (*Ломброзо*, въ рус. пер., стр. 38). Но выводы Ломброзо основываются на небольшомъ количествѣ фактовъ и въ детальнѣхъ частяхъ представляются весьма шаткими. Вѣрно лишь одно, что гениальные люди оказываютъ обыкновенно предпочтеніе той или другой части года, причемъ одни предпочитаютъ теплое время года, другіе, и чуть ли не большинство, — холодные мѣсяцы. Пушкинъ любилъ осень. У Ломброзо въ статистическомъ подсчетѣ по мѣсяцамъ произведеній изящныхъ искусствъ, словесности, астрономіи, химіи и математики на весну приходится 539, на

осень 485, лѣто 475 и зиму 368, въ частности произведеній искусства и словесности на май 149, сентябрь 138, съ пониженіемъ въ другіе мѣсяцы. Все это цифры шаткія, и самое опредѣленіе осени не совпадаетъ въ приложеніи къ жителямъ юга съ одной стороны и жителямъ сѣвера съ другой. Такъ, сентябрь Байрона и Альфіери не совпадаетъ съ сентябремъ Пушкина, а скорѣе съ октябремъ или ноябремъ. Во всякомъ случаѣ, то предпочтеніе, которое Пушкинъ оказывалъ осени, встрѣчается у многихъ талантливыхъ западныхъ писателей. Такъ, Альфіери, называвшій себя барометромъ (до такой степени измѣнялись его творческія способности по времени года), съ наступленіемъ сентября не могъ противиться овладѣвавшему имъ невольному побужденію къ литературной дѣятельности. Байронъ, В. Гюго, Беранже охотно писали въ октябрѣ. Многія крупныя произведенія Микель Анджело, Кановы, Шиллера, Гете созданы осенью (*Ломброзо*, 33, 34).

Осень описана Пушкинымъ двояко: 1) по внѣшнимъ признакамъ: въ багрецѣ и въ золото одѣтые лѣса, паденіе листа, холодный вѣтеръ, пасмурное небо, первые заморозки и пр., и 2) образно, какъ чахоточная дѣва. Одно изъ лучшихъ стихотвореній *Θ. Тютчева* „Осенній вечеръ“ вполне отвѣчаетъ пушкинской „Осени“ въ общемъ тонѣ и въ частности:

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть. . . .
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ пречувствіе сходящихъ бурь—
Порывистый, холодный вѣтеръ порою,
Ущербъ, изнеможеніе, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

„Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ заимствованія. *Θ. И. Тютчевъ*—поэтъ художникъ первой величины, и въ двухъ областяхъ — описаніяхъ внѣшней природы и объясненіяхъ сокровенныхъ тайнъ поэтического творчества—онъ отличается самобытностью. Сходство стихотвореній Пушкина и Тютчева объ осени вытекло изъ общаго впечатлѣнія, и такое сходство лишь доказываетъ глубокую искренность обоихъ поэтовъ и гуманитарный характеръ ихъ поэзіи; внѣшній міръ имъ открывался всегда подъ призмой человѣческаго сочувствія. У первоклассныхъ поэтовъ чловѣкъ и чловѣчность всегда стоятъ на первомъ мѣстѣ; изъ каждаго ихъ стихотворенія сквозитъ мысль о безграничности сочувствія, и отъ каждаго произведенія вѣетъ на насъ тепломъ высшей логики и справедливости.

Обращаясь къ подробностямъ, нужно отмѣтить слѣдующія черты сходства:

Тютчевъ: Есть въ свѣтлости оченныхъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть. . .

Пушкинъ: Мнѣ она (осень) мила. . . .
Красою тихою, блистающей смиренно. . . .

Тютчевъ: Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ. . .

Пушкинъ: Въ багрецѣ и золото одѣтые лѣса;
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье. . .

Тютчевъ: Туманная и тихая лазурь. . . .

Пушкинъ: И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ. . . .

Тютчевъ: предчувствіе сходящихъ бурь. . . .
. отдаленныи сѣдой зимы угрозы.

Послѣднія 4 строки *Тютчева*—образъ увядающей природы—очень близкая параллель къ V и VI строкамъ *Пушкина*.

Такое необыкновенное сходство, если отрицать заимствование, трудно предположимое при оригинальности Тютчева, объясняется, какъ сказано, правдивостью Пушкина и Тютчева, и одинаковыми условиями наблюденія великорусской лѣсной природы въ осенній періодъ ея существованія. Въ рядъ съ этими художественными описаніями великорусской осени можно поставить лишь лѣсные пейзажи г. Шишкина.

„Кататься на саняхъ съ Армидами младыми“....

Пушкинъ любилъ Тасса; онъ часто приводитъ имена поэтическихъ персонажей „Освобожденнаго Іерусалима, не указывая ни на автора, ни на поэму, какъ имена общеизвѣстныя. Пушкинъ рано ознакомился съ Тассомъ. Уже въ „Городкѣ“ 1814 года онъ упоминаетъ о Тассо, какъ излюбленномъ поэтѣ. Въ 1827 г. Пушкинъ вспомнилъ о Тассо въ ст. „Кто знаетъ край“, о чемъ я говорилъ уже во 2-мъ вып. „Этюдоевъ“ и въ ст. „Близъ мѣсть“. Въ послѣднемъ ст. П. упоминаетъ главныхъ героевъ въ поэмѣ „Освобожденный Іерусалимъ“—Ринальда, Готфрида, Эрминию. Далѣе о Тассо Пушкинъ упоминаетъ въ 1828 г. въ посланіи къ Катенину, который, между прочимъ, переводилъ Тасса, и въ 1829 г. въ элегическомъ ст. „Поѣдемъ, я готовъ“.... Армида—одинъ изъ самыхъ поэтичныхъ женскихъ образовъ въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“. Это красавица сарацинка. Она полюбила христіанскаго рыцаря крестоносца Ринальда и увезла его на далекій островъ, откуда Ринальдо бѣжалъ къ своимъ товарищамъ. Послѣ разныхъ приключеній Р. признался Армидѣ въ своей любви и объявилъ себя ея рыцаремъ. Подъ Армидами въ „Осепи“ такимъ образомъ нужно разумѣть женщинъ красивыхъ и страстныхъ, любящихъ и любимыхъ. Передъ мысленными очами П. должно быть носился опредѣленный женскій образъ. На это указываетъ стихъ:

Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и волею,
Когда подъ сободемъ согрѣта и свѣжа
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

Эти стихи въ свою очередь стоятъ въ самой близкой связи съ „Зимнимъ утромъ“ 1829 г., особенно съ послѣдней строфой:

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадите бѣгу
Нетерпѣливаго коня
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

Если стихи объ Армидахъ въ концѣ II и III строфъ возникли подъ влияніемъ личныхъ впечатлѣній поэта поздней осенью 1829 г., то вся IX строфа („Ведутъ ко мнѣ коня“ и пр.) является результатомъ еще болѣе раннихъ впечатлѣній, восходящихъ ко времени пребыванія П. въ Михайловскомъ. Въ ноябрѣ 1824 г. П. писалъ княгинѣ Вяземской: „Я провожу на лошади или въ полѣ все время, когда не лежу въ постели“. „Цѣлый день верхомъ“, писалъ въ декабрѣ П. Княжевичу. Г. Тимофеевъ въ 1859 г. записалъ со словъ старика, бывшаго кучеромъ Пушкина въ 1825—1826 г. въ Михайловскомъ, что А. С. утромъ принималъ въ банѣ холодную ванну; „потомъ сейчасъ на лошадь и гоняетъ тутъ по лугу: лошадь взмылитъ и пойдетъ къ себѣ“ (Журн. Мин. Н. Пр. 1859, т. 103 стр. 150).

Въ IV главѣ Евгенія Онѣгина 1825 г.:

.... Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на берегъ.
Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Сказать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой,
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной
Читай.

Огонь потухъ; едва золою
Подернуть уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ....

Въ хронологическомъ промежуткѣ между этими стихами и XI строфой „Осени“ стоитъ „Зима“ 1829 г.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?
. мы встаемъ и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня
. Вотъ вечеръ: вьюга воетъ;
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце поетъ
Читать хочу—глаза надъ буквами скользятъ
А мысли далеко.

Времена года рассмотрѣны Пушкинымъ въ „Осени“ въ связи съ дѣйствіемъ ихъ на художественное творчество. Последнее обрисовано двояко—описательно въ X и XI строфахъ (подроб. см. въ главѣ о ст. „Поэтъ“) и образно въ XII и XIII строфахъ (подроб. см. въ нашей статьѣ „Зачѣмъ крутится вѣтръ“ въ 1 вып. Этюдовъ).

XXVI.

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна,
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Вышьемъ, добрая подружка,
Бѣдной юности моей,
Вышьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица

Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжные крутя,
То какъ звѣрь она завоюетъ,
То заплачетъ какъ дитя
Выпьемъ, добрая подружка,
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

„Зимній вечеръ“ написанъ въ 1825 г., напечатанъ впервые въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ въ 1830 г.

Въ „Зимнемъ вечерѣ“ отразились раннія юношескія впечатлѣнія Пушкина, что видно изъ приводимыхъ далѣе параллелей изъ стихотвореній его въ 1816 г., и въ особенности впечатлѣнія, вынесенныя изъ жизни въ Михайловскомъ зимой 1825 года.

Въ посланіи къ Языкову 1825 года Пушкинъ приглашалъ въ Михайловское въ гости:

Надзоръ обманемъ караульный,
Восхвалимъ вольности дары... -
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ....

Въ IV главѣ Евгенія Онѣгина того же 1825 г. находятъ сходные стихи. Онѣгинъ и Ленскій бесѣдуютъ въ зимній вечеръ у камина, покуривая трубки, и Пушкинъ уже отъ себя замѣчаетъ въ скобкахъ:

Вечерняя находитъ мгла...
Люблю я дружескія враки
И дружескій бокаль вина
Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки.

Значеніе послѣдняго выраженія не ясно. Рѣчь, очевидно, идетъ о вечерней порѣ.

Въ „Зимнемъ вечерѣ“ отразилась преимущественно Михайловская жизнь Пушкина зимой 1825 г. Наиболее близкія къ этому времени сообщенія Языкова и Пушкина. Языковъ былъ въ Михайловскомъ и въ посланіи къ Пушкину вспоминаетъ объ Аринѣ Родіоновнѣ и о голубыхъ водахъ рѣки Сороти. Важнѣе свидѣтельство И. И. Пущина: „Свернули мы съ дороги въ сторону, мчались среди лѣса по гористому проселку... Спускаясь съ горы, недалеко ужъ отъ усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши въ ухабѣ такъ наклонились на бокъ, что ямщикъ слетѣлъ... Схватили возжи. Коня несутъ среди сугробовъ; опасности нѣтъ; въ сторону не бросатся, все лѣсъ, и снѣгъ имъ по брюхо; править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистой тропой: вдругъ крутой поворотъ, и какъ будто неожиданно вломились смаху въ притворенныя ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца; протащили мимо и засѣли въ снѣгу нерасчищеннаго двора. Я оглаживаюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками... Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ; но въ инныя минуты человѣкъ не простуживается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ... Было около 8 час. утра. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга.... Наконецъ пробила слеза (она и теперь черезъ 33 года мѣшаетъ писать въ очкахъ); мы очнулись. Совѣстно стало передъ этой женщиной; впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого она приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня... Все это происходило въ маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца съ окномъ на дворъ.... Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась кровать его съ пологомъ, письменный столъ, диванъ, шкафъ съ книгами и пр. и пр.; во всемъ поэтической безпорядокъ; вездѣ разбросаны исписанные листы бума-

ги; внизу валяются искусанные куски перьевъ (Пушкинъ всегда писалъ оглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ). Входъ къ нему прямо съ коридора; противъ его двери—дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество пялецъ... Дверь во внутреннiя комнаты была заперта; домъ не топлень... Подали намъ кофе—мы усѣлись съ трубками... Подано да-лѣе вино—начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующихъ друзей... Незамѣтно полетѣла въ потолокъ и другая пробѣа, попотчевали искрометнымъ няню“...

Это было 11-го января 1825 г. Пуцинъ на другой день уѣхалъ, и Пушкинъ долго вспоминалъ съ благодарностью объ этомъ прiѣздѣ друга. Въ 1825 году, когда Пуцинъ, замѣшанный въ заговорѣ декабристовъ, былъ уже въ ссылкѣ, Пушкинъ въ превосходномъ стихотворенiи писалъ:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ....

Въ сообщенiи Пуцина ярко обрисовывается глухое Михайловское и та жалкая лачужка, гдѣ короталъ свои дни поэтъ. О Михайловскомъ есть еще нѣсколько извѣстiй. Выберемъ изъ нихъ тѣ, которыя близки ко времени Пушкина:

Въ 1837—1838 годахъ псковскiй губернскiй земле-мѣръ Ивановъ издалъ двѣ тетради видовъ Пскова и его окрестностей. Краткая замѣтка объ этомъ изданiи была напечатана въ Иллюстраціи 1848 г. № 141. На фотографическомъ снимкѣ Иванова изображенъ господскiй домъ Пушкиныхъ въ Михайловскомъ. Домъ этотъ, деревянный, одноэтажный, уже обветшавшій, занималъ средину между службами, тянувшимися на обѣ стороны, въ три окна. Передъ домомъ съ южной стороны небольшою скверъ. Дорога къ дому хорошо обдѣлана. Про-

тивоположная дому сторона обращена къ р. Сороти, извивающейся по луку.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1848 г. №№ 247—251 въ „Путевыхъ замѣткахъ Давида Мацкевича“ находится нѣсколько другихъ подробностей“. Напутствуемые благословенiями братiи (Святогорскаго монастыря въ 3 верст. отъ Михайловскаго), мы отправились въ село Михайловское... Бывшiя владѣнiя Пушкина начинаются огромнымъ сосновымъ паркомъ; проѣхавъ съ версту по его опушкѣ, мы повернули налѣво въ широкую прямую аллею, ведущую къ дому на пространствѣ по крайней мѣрѣ версты; въ сторонѣ отъ дороги стоитъ уединенно забытая и опустошенная бесѣдка безъ оконъ... Еще издали представился домикъ Пушкина, стоящiй одиноко, почти въ двухъ верстахъ отъ деревни Михайловской.... Наружность деревяннаго, уже обветшалаго одноэтажнаго дома Пушкина очень проста. Отъ дому тянутся на обѣ стороны службы... Мы вошли съ главнаго середняго крыльца въ довольно большую комнату; тутъ на биллиардѣ лежалъ кiй. Самый биллиардъ, обветшалый, со сгнившимъ, оборваннымъ сукномъ, стоялъ печально въ углу. Единственныя украшенiя этой комнаты двѣ женскiя головы. Отсель налѣво двѣ комнаты; въ одной изъ нихъ дѣтскiя кровати, колыбели и т. п. Другой стороной домъ обращенъ къ рѣкѣ Сороти. Здѣсь были спальня и кабинетъ Пушкина; теперь тутъ ветхость и запустѣнье... Дикая трава свободно разрослась вездѣ по двору и по тропинкамъ“....

Въ 1859 г. Тимофеевъ посѣтилъ Святогорскiй монастырь и Михайловское и описалъ свои впечатлѣнiя въ Журн. Минист. Нар. Просв. т. 103. Въ Михайловскомъ живъ былъ еще одинъ старикъ, бывшiй кучеромъ у А. С. Пушкина. Съ его словъ Тимофеевъ записалъ, что П. въ хозяйственныя дѣла не вникалъ, дни проводилъ у Праск. Ар. Осиповой въ Тригорскомъ, ходилъ въ красной рубахѣ, съ толстой желѣзной палкой, любилъ стрѣлять изъ пистолета въ двери погреба, имѣлъ много книгъ.

Интересна слѣдующая характерная подробность: „Какъ только П. вставалъ, бѣжалъ къ нянѣ и спрашивалъ: «Здорова ли, мамá?» Онъ все ее „мамá“ называлъ. А она ему, бывало, эдакъ нараспѣвъ (она была изъ-за Гатчины, съ Суйды, гдѣ пѣвкомъ говорятъ): „батьюшка ты, за что ты меня все мамой зовешь, какая я тебѣ мать“.— Разумѣется ты мнѣ мать: не то мать, что родила, а то, что своимъ молокомъ вскормила *). И ужъ чуть старуха занеможетъ тамъ что-ли, онъ ужъ все за ней“ (145 стр.).

При посѣщеніи Михайловскаго Тимофеевымъ въ 1859 г. оказались слѣдующія измѣненія. Старая сосна, о которой упоминалъ П. въ 1836 г., была уже срублена на мельницу. Въ домѣ крыша провалилась, балки перегнили, потолокъ обрушился; подъ стропилами на перекрестіѣ двухъ жердей въ углу сидѣла сова. Баня была еще цѣла. Сороть не широка; сажень шесть не больше; въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея справа и слѣва два озера, оба съ плоскими берегами. Всѣ людскія крыты соломой. Изъ этихъ объясненій Тимофеева видно, что у Пушкина передъ глазами были соломенные крыши и что его домикъ былъ открытъ для вьюги со стороны озера.

Отдѣльные образы и выраженія въ „Зимнемъ вечерѣ“ можно вывести изъ раннихъ юношескихъ впечатлѣній и юношескихъ запасовъ памяти. Такъ, въ „Къ Наташѣ“ 1816 г.

Скоро, скоро холодъ зимній
Роцу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ.

Въ стих. „Сонъ“ 1816 г. Пушкинъ говоритъ:

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ тихомъ свѣтѣ
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ....

*) Здѣсь няня принята за кормилицу. Прим. Н. С.

Въ „Зимнемъ вечерѣ“:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжныя крутя....

Въ „Зимнемъ утрѣ“:

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась....

Въ „Евгении Онѣгинѣ“ поздней осенью

Встаетъ заря во мглѣ холодной.....

Въ „Талисманѣ“ 1827 года:

Въ сладкій часъ вечерней мглы....

Въ ст. „Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?“ 1829 года обнаруживается душевное настроеніе, весьма близкое къ обрисованному въ IV кн. Евгения Онѣгина. Послѣ краткаго описанія охоты на зайцевъ слѣдуетъ такая параллель къ „Зимнему вечеру“:

. Вотъ вечеръ; вьюга воетъ;
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ;
Читать хочу—глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко.

Параллельно съ образомъ ненастной зимней ночи въ воображеніи Пушкина часто проносились образы лунной зимней ночи, что выразилось во 2 пѣснѣ „Евгения Онѣгина“:

Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ празднои тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ.

Въ „Зимней дорогѣ“ 1826 г.:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна;
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной.

Въ „Зимнемъ утрѣ“ 1829 г.:

На мутномъ небѣ мгла носилась;

Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла. . . .

Въ „Бѣсахъ“ 1830 г.:

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій.
Мутно небо; ночь мутна.

Въ „Осени“ 1930 г.:

Суровою зимой я болѣе доволенъ,
Люблю ея снѣга въ присутствіи луны.

Далѣе, изъ IV и V пѣсенъ Евгенія Онѣгина, „Зимней дороги“, „Зимняго утра“ и „Осени“ видно, что Пушкина привлекали зимнія дѣтскія игры, „зимнихъ праздниковъ блестяція тревоги“, „легкій бѣгъ саней съ подругой“, „на стеклахъ легкіе узоры“, блескъ снѣга и льда подъ лучами солнца, веселый трескъ дровъ въ затопленной печи, лежанка („пріятно думать у лежанки“ въ Зимнемъ утрѣ).

Однимъ изъ позднѣйшихъ воспроизведеній зимы, въ связи съ образами „Зимняго вечера“, представляется пѣснь предсѣдателя въ „Пирѣ во время чумы“ въ 1830 г.:

Когда могущая зима,
Какъ добрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
На встрѣчу ей трещать камины,
И весель зимній жаръ пировъ.
.
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы.

Интересно, что въ „Пирѣ“ молодой человѣкъ обращается къ Мери съ просьбой, напоминающей обращеніе поэта къ нянѣ въ „Зимнемъ вечерѣ“:

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсенъ съ дикимъ совершенствомъ;

Спой, Мери, намъ уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились. . . .

Въ изображеніи зимней бури обнаруживается русская природа и русская душа во взаимномъ ихъ сочетаніи *). Здѣсь все правдиво и естественно. Ночной зимній вѣтеръ воетъ, плачетъ, шумитъ соломой обветшалой кровли дома, стучитъ въ окна. Въ такихъ антропоморфическихъ дѣйствіяхъ отражается вой вѣтра во всякой чуткой душѣ. Буря воетъ, какъ звѣрь, т. е. волею. Пушкинъ удачно воспользовался общимъ родовымъ названіемъ волка, и уже въ одной этой мелочи обнаруживается его глубокая народность. Въ живой народной рѣчи и въ народныхъ пѣсняхъ (великорусскихъ) слово звѣрь употребляется часто вмѣсто волка. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ нѣсколько разъ упоминается слово звѣрь въ значеніи волка: „на кости звѣря зовуть“, „скочи лютымъ звѣремъ“. У древняго русскаго поэта, повидимому, такъ же, какъ позднѣе у Пушкина, представленіе о ночной бурѣ связано было съ представленіемъ о волкѣ: „ночь стонуци ему грозою. . . звѣринъ (а) въста. . .

То заплачетъ, какъ дитя—

образъ также глубоко народный. Въ Россіи (въ частности въ Малороссіи) при завываніи вѣтра въ печной трубѣ говорятъ: дѣти плачуть, ѣсть хотять. Въ Германіи при шумѣ сильнаго вѣтра говорятъ: „слушай, Альвина плачетъ!“ (Альвина—прекрасная царевна, проклятая родителями за своевольное вступленіе въ бракъ). Въ Верхнемъ Пфальцѣ записана такая легенда: Одна женщина такъ возгордилась своей красотой и миловидностью своего ребенка, что вздумала равнять себя съ Богородицей и за то была увлечена на воздухъ и тамъ разлучена съ своимъ ребенкомъ. Мать и дитя носятся между небомъ и

*) Русскій складъ „Зимняго вечера“ особенно ярко обнаруживается, если сравнить его съ такими стих. В. Гюго, какъ „Nuits d'hiver“, „En hiver la terre pleure“ и т. п.

землею. Въ завывающей бурѣ народъ слышитъ ея отчаянные стоны, которыми она призываетъ дитя, а въ жалобныхъ тонахъ вѣтра чудятся плачь и вопли покинутого ребенка (*Аванасевъ*, Поэт. возр. I 329).

Строфы о старушкѣ нанѣ разъяснены нами въ статьѣ объ Аринѣ Родіоновнѣ въ 1-мъ выпускѣ. Этюдовъ. Цѣнные дополненія даны въ вошедшихъ въ эту статью воспоминаніяхъ И. И. Пущина и служителя Петра. Въ этихъ воспоминаніяхъ подробно обрисована „ветхая лачужка“—мѣсто изгнанія Пушкина, особенно темная и печальная въ глухой зимній вечеръ среди снѣжныхъ заносовъ. Дремота старушки у веретена и угощеніе ее виномъ находятъ превосходный комментарий въ приведенныхъ въ надлежащемъ мѣстѣ замѣчаніяхъ Пущина, что въ комнатѣ Арины Родіоновны стояло много пялецъ, что няню угостили „искрометнымъ“, съ которымъ няня знакоилась должно быть не впервые, если принять во вниманіе свидѣтельство сосѣдки Пушкина по имѣнію Осиповой, что Арина Родіоновна любила выпить, и тѣ многочисленныя мѣста въ письмахъ Пушкина 1824—1826 годовъ, гдѣ говорится о винѣ, бутылкахъ и выпивкѣ. Пушкинъ въ винѣ былъ воздержанъ; но въ молодости любилъ поговорить о немъ.

О литературныхъ свѣдѣніяхъ Арины Родіоновны мы говорили въ 1 вып. Этюдовъ и здѣсь не будемъ останавливаться на нихъ. Пѣсни про сивицу и про дѣвицу народныя великорусскія, изъ самыхъ популярныхъ—„За моремъ синичка не пышно жила“ (на тему о свадьбѣ птицъ) и „По улицѣ мостовой“.

Въ повтореніи стиховъ Пушкинъ обнаружилъ близкое духовное родство съ народной поэзіей. Въ народной поэзіи, въ лирикѣ и въ эпосѣ, повтореніе играетъ большую роль. Оно входитъ въ лучшіе памятники русской и западно-европейской народной словесности, въ былинны, думы, пѣсни о Роландѣ. Акад. А. Н. Веселовскій въ одной небольшой журнальной статьѣ о французскомъ эпосѣ (сужу по оттиску) даетъ такое объясненіе народ-

нымъ повтореніямъ, вполне приложимое и къ повтореніямъ Пушкина: „Нѣкоторыя сцены, образы въ такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы ни было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытитесь за разъ. Веселые моменты жизни переживаются быстрѣ... Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводятъ дѣйствительный процессъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно почему то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону и снова возвращаются къ основной нотѣ и основному образу“.

Изъ западно-европейскихъ произведеній Пушкинъ могъ имѣть въ виду средневѣковыя пѣсни и баллады съ повтореніями въ концѣ начальнаго куплета. Въ одной прозаичной замѣткѣ Пушкинъ отмѣтилъ: „Когда въ XII столѣтіи подъ небомъ полуденной Франціи отозвалась рюма въ прованскомъ нарѣчій—ухо ей обрадовалось; трубы стали играть ея, придумывать для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, окружили ее самыми затруднительными формами. Такимъ образомъ изобрѣтены рондо, вирле, баллада и триолетъ“. Далѣе П. въ скобкахъ объясняетъ: „Балладой называлось небольшое стихотвореніе, въ коемъ рюма сочеталась извѣстнымъ образомъ и которое начиналось и оканчивалось тѣми же словами“. Вообще, въ пѣсняхъ романскихъ народовъ повтореніе стиховъ и отдѣльныхъ словъ обычное явленіе. Новые французскіе поэмы доходятъ часто въ этомъ отношеніи до излишества, такъ что повтореніе отдѣльныхъ стиховъ теряетъ значеніе художественнаго приема и получаетъ характеръ назойливаго представленія. Такъ, у Поля Верлена, главы современныхъ французскихъ сим-

волистовъ, на каждомъ шагу обнаруживается „gabachage“ (пережевываніе), въ видѣ повторенія отдѣльнаго стиха или полустиха. Слишкомъ частое повтореніе фразъ и стиховъ безъ связи съ основнымъ текстомъ отмѣчено психіатрами особымъ терминомъ эхололіи, какъ выраженіе слабоумія, вообще психическаго расстройства. Таковъ языкъ извѣстнаго нѣмецкаго философа Ничше, окончившаго сумашествіемъ. Психіатры, въ особенности Максъ Нордау въ соч. „Вырожденіе“, преувеличиваютъ значеніе повторимости стиховъ, какъ проявленія психической ненормальности; повтореніе иногда обуславливается неумѣлымъ подражаніемъ народной поэзіи, а въ народной поэзіи повторенія имѣютъ *raison d'être* и обусловлены здоровой народной психологіей. Но и Максъ Нордау, весьма односторонній въ сужденіяхъ о языкѣ и литературѣ, признаетъ (стр. 93), что „повтореніе куплетовъ, возвращающагося рима, вообще говоря, являются хорошимъ художественнымъ приемомъ для выраженія преобладающаго душевнаго настроенія поэта“.

Какъ пользуется Пушкинъ приемомъ повторенія стиховъ? Прежде всего у П. приемъ этотъ встрѣчается рѣдко; затѣмъ онъ стоитъ всегда въ самой тѣсной зависимости отъ внутренняго содержанія произведенія и душевнаго настроенія поэта, вообще неразрывно связанъ съ текстомъ. Въ рукахъ П. повтореніе стиха является приемомъ въ высшей степени простымъ и художественнымъ, и если у Берлена или Ничше повтореніе свидѣтельствуетъ объ ихъ слабоуміи, то у Пушкина повтореніе служитъ свидѣтельствомъ здравомыслія, ума, тонкаго, проникательнаго, вполне господствующаго надъ инстинктами, идущаго рука объ руку съ могучей фантазіей, немало не подчиняясь ей и не угнетая ее силой холоднаго разсудка.

Сколько могу припомнить, у Пушкина повтореніе послѣдняго стиха въ родѣ припѣва находится въ Кавказскомъ Пльнникѣ 1821 г., повтореніе куплетовъ находится въ Русланѣ и Людмилѣ (въ IV пѣснѣ), въ пѣснѣ

„Черная шаль“ (1820 г.), въ „Зимнемъ вечерѣ“ (1825) „А. П. Кернъ“ (1825), „Не пой, красавица, при мнѣ“ (1828), „Бѣсахъ“ (1830) и „Гусарѣ“ (1833 г.), вообще, въ немногихъ стихотвореніяхъ. То обстоятельство, что повтореніе встрѣчается уже въ „Русланѣ“, показываетъ, что Пушкинъ съ молодыхъ лѣтъ пользовался этимъ приемомъ художественнаго творчества, никогда не злоупотребляя имъ. Куплетныя повторенія у Пушкина разнообразны: Во вставной пѣснѣ въ IV п. Руслана болѣе всего повтореній, что видно изъ такой цифровой формы: всѣхъ строкъ 20; идутъ онѣ въ такомъ порядкѣ: 1, 2, 3, 4 + 5, 6, 7, 8 + 9, 10, 11, 8 + 12, 13, 14, 8 + 1, 2, 3, 4; но и въ этой цифровой формѣ 7, 11 и 14 разнятся лишь по одному слову. Въ „Зимнемъ вечерѣ“ 32 строки, причемъ послѣдній куплетъ повторяетъ 4 первыя строки изъ перваго куплета въ связи съ 4 первыми строками третьяго куплета, т. е. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 + 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 + 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24 + 1, 2, 3, 4, 17, 18, 19, 20. Простѣйшая форма повторенія въ „Не пой, красавица“ и въ „Черной шали“; здѣсь послѣдніе куплеты тождественны съ первыми. Въ „Бѣсахъ“ обнаруживается такой приемъ повторенія: всѣхъ строкъ 56; первыя четыре строки повторяются три раза въ разныхъ мѣстахъ стихотворенія, подчеркивая такимъ образомъ тотъ мотивъ изъ внѣшней природы (снѣжная буря въ лунную ночь въ полѣ), который вызвалъ въ душѣ поэта рядъ демонологическихъ представленій—это своего рода комментарий со стороны автора и въ то же время искусный приемъ поддержать настроеніе свое и читателя на высотѣ данной природной обстановки. Въ „Гусарѣ“ 29 четырехстрочныхъ куплетовъ, причемъ послѣдній—29 повторяетъ шестой, съ незначительной замѣной двухъ словъ, что придаетъ всему стихотворенію эпическій характеръ посторонняго разсказа. Итакъ во всѣхъ случаяхъ оригинальность и разнообразіе; вездѣ повтореніе не только усиливаетъ чувство;

но и разъясняетъ смыслъ стихотворенія и душевное настроеніе автора.

„Зимній вечеръ“ вызвалъ въ русской литературѣ много отголосковъ и подражаній. Такъ, „Зимній путь“ *Полонскаго* носитъ слѣды вліянія Пушкина, и потому здѣсь оказывается „вой протяжный голодныхъ волковъ“, потому у *Полонскаго* явился стихъ:

„На скамейкѣ старуха сидитъ,
До полуночи пряжу придетъ—
Мнѣ любимы сказки мои говорить,
Колыбельныя пѣсни поетъ.

Эта старуха литературная дочь Арины Родіоновны. Можно еще отмѣтить, что „Старая сказка“ *Надсона* также навѣяна „Зимнимъ вечеромъ“. Подобно Пушкину *Надсонъ* въ концѣ стихотворенія повторилъ первую строфу. Строфа эта:

Глухо стонетъ вьюга—стонетъ и рыдаетъ
И въ окно стучитъ костлявою рукой. . . .
Жгучій страхъ мнѣ сердце дѣтское сжимаетъ:
„Мама, дорогая, сядь, побудь со мной“! . . .

Въ другомъ ст. *Надсона* „Святитель“ пробивается также отзвукомъ пушкинскаго „Зимняго вечера“:

Жутко станеть, какъ вьюга ночная
Запоесть, замететь, запатаетъ избой,
Да завоетъ въ трубѣ, какъ шальная. . . .

„Зимній вечеръ“ излюбленъ писателями малоруссами. *Н. И. Петровъ* указалъ на переводъ Боровиковскаго. Замѣчаніе г. Петрова, что *Порфирій Кореницкій* введеніе къ поэмѣ „Вечерницы“ написалъ подъ вліяніемъ „Зимняго вечера“ (Очерки ист. укр. литер. XIX ст., стр. 147, ошибочно. Между „Зимнимъ вечеромъ“ Пушкина и введеніемъ *Кореницкаго* нѣтъ ничего общаго. Къ „Зимнему вечеру“ Пушкина близко стоитъ „Зимовый вечеръ“ г. *Старицкаго* въ украинскомъ альманахѣ „Луна“ 1881

года. Здѣсь въ пушкинскую рамку зимняго вечера вставлена своеобразная картинка домашней обстановки бѣдной малорусской крестьянской семьи.

Примѣчаніе. Мимоходомъ я упомянулъ на 54 страницѣ о неясномъ обозначеніи у Пушкина сумерокъ „порой межъ волка и собаки“. Выраженіе это буквальный переводъ французскаго названія сумерокъ „entre chien et loup“, встрѣчающагося уже въ фавль XIII вѣка (*Littré*, I 603).

Но человекъ человекъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листьями—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыжи,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Это стихотвореніе, какъ значитъ въ помѣткѣ подъ нимъ автора, написано 9 ноября 1828 г. въ деревнѣ Малинникахъ, а напечатано оно впервые въ 1832 г. П. В. Анненковъ въ Вѣст. Евр. сообщилъ по этому поводу слѣдующее: „Въ 1832 г. явился альманахъ *Сверные цветы*, изданный Пушкинымъ и его друзьями въ пользу семейства покойнаго Дельвига. Въ этомъ сборникѣ статей Пушкинъ помѣстилъ превосходное свое стихотвореніе: „Анчаръ—древо яда“, которое и сдѣлалось причиною довольно неприятной для автора исторіи. Подъ предлогомъ, что пьеса его, безпрекословно дозволенная къ печати обыкновенной цензурой, не была предварительно послана на обсужденіе верховной цензуры, какъ требовалъ того порядокъ, генералъ Бенкендорфъ упрекалъ Пушкина въ измѣнѣ принятымъ на себя обязательствамъ, въ нарушеніи честнаго слова и въ обманѣ. Замѣчательно, что надзоръ, молчаливо терпѣвшій доселѣ подобныя же, довольно многочисленныя уклоненія Пушкина отъ

XXVII.

А н ч а р ь.

Въ пустынь чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихоръ черный
На древо смерти набѣжитъ
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листь его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій,

правила, возсталъ теперь съ горячимъ обличеніемъ и притомъ въ такой формѣ, которая показалась слишкомъ рѣзкой Пушкину. Пушкинъ отвѣчалъ 7 января 1832 г.: „Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей неожиданно я былъ удостоенъ, не лишаетъ меня права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры... (Ефремовъ въ соч. Пушкина II 425). Пушкинъ долго не могъ забыть обиды и вспоминалъ еще о ней съ горечью, спустя четыре года, въ письмѣ къ женѣ изъ Москвы, въ 1836 г., когда состоялъ уже четыре мѣсяца редакторомъ *Современника*: „Брюловъ сейчасъ ѣдетъ отъ меня въ Петербургъ, скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а, между тѣмъ, у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человекомъ, (т. е. еще до обличенія въ званіе издателя), я получалъ уже полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: „Vous avez trompé, и т. п. (Вы обольщаетесь, обманываете себя). Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпиона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ. Весело—нечего сказать!“

Въ основѣ Анчара лежатъ дѣйствительные факты, вычитанные Пушкинымъ, вѣроятно, изъ какого-нибудь путешествія по азіатскому Востоку. На островѣ Явѣ среди вулканическихъ горъ лежитъ долина смерти. Голая почва долины покрыта скелетами разныхъ животныхъ. Часто по ихъ положенію видно, что свирѣпый тигръ въ ту минуту, когда схватилъ жертву, погибъ вмѣстѣ съ нею, что хищная птица, прилетѣвшая поживиться свѣжимъ трупомъ, на немъ была застигнута смертью. Цѣлыя кучи мертвыхъ жуковъ, муравьевъ и другихъ насекомыхъ лежатъ тутъ же, отравленные губительнымъ воздухомъ долины смерти. Думали, что воздухъ этотъ происходитъ отъ тлетворныхъ испареній ядовитаго дерева анчара. Въ дѣйствительности анчаръ и не растетъ

на голой почвѣ долины смерти. Какъ въ знаменитой Пирмонтской пещерѣ или Grotta del cane близъ Неаполя, и на яванской долинѣ смерти выдѣляющаяся изъ-подъ земли углекислота убиваетъ всякое низкорослое животное, ступающее на почву долины. Но за анчаромъ остается слава древа яда. Анчаръ или антиарисъ растетъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Явы. Онъ имѣетъ гладкій, стройный, цилиндрическій стволъ, высотой отъ 60 до 80 футовъ, увѣнчанный красивымъ полушаромъ листы. Малайцы называютъ его Pohon Upas—дерево яда. У ботаниковъ это растеніе извѣсно подъ терминомъ *Antiaris toxicaria*. Путешественникъ совершенно безопасно можетъ проникнуть подъ его тѣнь и расположиться здѣсь на отдыхъ. Нужно только остерегаться, чтобы на кожу не попалъ молочный сокъ, обильно вытекающій изъ нѣжной коры дерева: онъ вызываетъ воспаление, боль и мучительные пузыри. Въ этомъ сокѣ содержится тотъ ядъ которымъ малайцы отравляютъ клинки своихъ кинжаловъ и острія стрѣлъ (*Природа и Люди* 1893, стр. 349).

Пушкинъ пользовался той ботанической легендой, которая долину смерти связывала съ деревомъ яда, и потому въ стихотвореніи удержана эта связь: анчаръ растетъ въ пустынѣ чахлой и скупой, на почвѣ, зноемъ раскаленной. Далѣе всѣ подробности совершенно вѣрно воспроизводятъ дѣйствительность: „ядъ каплетъ сквозь его кору, къ полудню растопясь отъ зноя“, „листъ его дремучій“, „дождь стекаетъ съ его вѣтвей ядовитъ“. Смерть раба, собравшаго ядовитую смолу, возможна въ дѣйствительности.

Какъ ни своеобразенъ грандіозный образъ древа яда Анчара, мы думаемъ, что Пушкинъ подошелъ къ нему не сразу и что Пушкину въ этомъ дѣлѣ помогла русская народная поэзія. На мой взглядъ, подготовительной почвой для Анчара могли служить слѣдующіе стихи въ 6 пѣснѣ „Руслана и Людмилы“:

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,

Жилища вѣтровъ, бурь гремячихъ,
 Куда и вѣдъмы смѣлый взоръ
 Проникнуть въ поздній часъ боятся,
 Долина чудная таится,
 И въ той долинь два ключа:
 Одинъ течетъ волной живою,
 По камнямъ весело журча;
 Тотъ лется мертвою водою.
 Кругомъ все тихо; вѣтры спятъ,
 Прохлада вешняя не вѣетъ;
 Столѣтні сосны не шумятъ;
 Не вьются птицы; лань не смѣетъ
 Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ. . . .

И въ „Анчарѣ“ мы находимъ нѣмую глушь, песокъ „горючий“, „къ нему и птица не летитъ“; вмѣсто робкой лани здѣсь и смѣлый „тигръ нейдетъ“; только вѣтеръ не спитъ, а мчится въ видѣ черного вихря. Сходство въ образахъ и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Къ слову сказать, къ созданію „Анчара“ Пушкина могло расположить еще то обстоятельство, что объ упасѣ упоминаетъ Байронъ въ Чайльдъ-Гарольдѣ (пѣс. IV строфа 126).

Our life is a false nature 'tis not in
 The harmony of things,—this hard decree,
 This unradicable taint of sin,
 This boundless upas, this all-blasting tree,
 Woos root is earth, whose leaves and branches be
 The skies which rain their plagues on men like dew—
 Disease, death, bondage—all the woes we see. . . .
 And worse, the woes we see not—which throb through
 The immedicable soul, with heart-aches ever new.

Въ переводѣ Минаева, бойкомъ и живомъ, но слишкомъ далеко отъ подлинника:

Жизнь наша—вѣчный грѣхъ природы,
 Насланіе небесныхъ каръ,
 Клеймо судьбы, позоръ свободы;

Жизнь наша—то же, что Анчаръ
 Съ его смертельною отравой
 И ядовитою росой.
 Жизнь служить хищною забавой
 Для мукъ, недуговъ; смерть съ косою
 За ней слѣдить. Жизнь есть страданья.
 Хоть ихъ порой не вѣдать,
 Они сумѣютъ истерзать,
 Изгрызть всю грудь безъ состраданья.
 А въ сердцѣ боль царить одна,
 Неукротима и сильна.

Какъ мало этотъ переводъ похожъ на подлинникъ, видно изъ слѣдующаго нашего подстрочнаго перевода: Наша жизнь есть поддѣльная природа; она внѣ гармоніи вещей; это суровое предопредѣленіе, неизгладимое пятно грѣха, безконечный упасъ—всеуничтожающее дерево, котораго корень—земля, листья и вѣтви въ небесахъ, съ котораго ядъ течетъ на людей, какъ сокъ (роса)—болѣзнь, смерть, рабство, все зло, которое мы видимъ и, хуже, которое мы не видимъ, но которое стремительно пронизываетъ въ незащитную душу, все съ новыми страданіями.

Въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій по эстетикѣ *Прѣльса* (рус. пер. 1895 г.) дано такое мѣткое опредѣленіе эстетическаго дѣйствія (стр. 132 — 133): „Такъ какъ все прекрасное имѣетъ значеніе только для чело-вѣческаго духа, то оно должно соотвѣтствовать природѣ его и самымъ насущнымъ его потребностямъ. *Разнообразіе отношеній* является однимъ изъ самыхъ главныхъ условій для созерцанія (а въ созерцаніи суть поэзія), такъ какъ значеніе предмета возрастаетъ съ многочисленностью присущихъ ему отношеній. Не менѣе важное значеніе имѣютъ *единство* и *гармонія*, въ виду естественной потребности чело-вѣческаго духа сопоставлять и связывать многообразіе согласно съ опредѣленными точками зрѣнія и съ извѣстными цѣлями. . . . Единство, гармонія производятъ особое чарующее вліяніе, въ особенно-

сти если они всесторонни, т. е. какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Но гармонія, единство никогда не могли бы удовлетворять потребностямъ челоѣческаго духа, если бы въ необходимой связи между внутренней и внѣшней гармоніей не проявилась *свобода*, благодаря которой челоѣческой природѣ открывается широкая, безконечная перспектива въ области прекраснаго. Челоѣческій духъ, въ особенности фантазія, требуетъ свободы . . . Въ немъ существуетъ увѣренность, что съ каждымъ новымъ познаніемъ расширяется сфера свободнаго проявленія его (т. е. духа“).

Въ другомъ мѣстѣ (127, 128) Прельсъ говоритъ, что „главной цѣлью художественнаго произведенія можетъ быть лишь расширеніе созерцанія“; „искусство не должно задаваться цѣлью непосредственнаго поученія и нравственнаго исправленія“; „раскрывая челоѣку цѣлый міръ новыхъ созерцаній и содѣйствуя гармоніи его духовныхъ силъ, оно можетъ вызвать самопроизвольное развитие сознанія и тѣмъ содѣйствовать облагороженію и возвышенію нравственности челоѣка“.

Превосходнымъ образцомъ художественнаго произведенія, удовлетворяющаго выше изложеннымъ эстетическимъ требованіямъ, представляется „Анчаръ“. Цѣльность образа производитъ чарующее впечатлѣніе. „Анчаръ“ представляетъ такое чрезвычайно широкое обобщеніе, которое заключаетъ въ себѣ большое разнообразіе отношеній и приложеній. Стихотвореніе насквозь проникнуто идеями свободы и гуманизма—это фактическое основное его содержаніе, и въ формальномъ отношеніи оно открываетъ просторъ для дѣятельности свободнаго челоѣческаго духа.

Анчаръ—знамя свободы, гуманности, христіанскаго челоѣколюбія—вездѣ, гдѣ челоѣкъ принижаетъ челоѣка въ узкихъ эгоистическихъ цѣляхъ, будетъ ли то въ Остѣ-Индіи и на Малайскомъ архипелагѣ, гдѣ растетъ ядовитое дерево антиарисъ, или въ странѣ рабовъ Африкѣ, или въ центральной цивилизованной Европѣ, въ ка-

зармахъ, на фабрикахъ или въ чиновничьихъ канцеляріяхъ, въ быту общественномъ или быту семейномъ. Вездѣ могутъ оказаться свои „необѣдимые владыки“ и свои „бѣдные рабы“, вездѣ обнаружится „ядъ“, и при свѣтѣ пушкинскаго „Анчара“ вездѣ въ видѣ угрызенія совѣсти и напоминанія о высшей правдѣ обнаруживается гуманная идея о „челоѣкѣ“. Шевченко сказалъ, что на стражѣ „убогихъ“, „нищихъ“ онъ ставитъ „сюво“. У Пушкина такимъ великимъ „словомъ“, охраняющимъ нравственное достоинство, является „Анчаръ“.

Любопытно сравнить съ „Анчаромъ“ Пушкина одно мѣсто въ III гл. „Dziady“ Мицкевича 1834 г. Оставляя въ сторонѣ историко-бытовую подкладку, можно сказать, что Мицкевичъ здѣсь вышелъ за предѣлы поэтическаго образа, другими словами, выступаетъ не художникомъ, а публицистомъ.

O biedny chłopie! Heroizm, śmierć taka
Jest psu zasługą, człowiekowi grzechem,
Jak cię nagrodzą? Pan powie z uśmiechem,
Żeś był do zgonu wierny—jak собака....

Строки эти дышатъ презрѣніемъ. Нѣтъ въ нихъ ни гуманизма, ни сожалѣнія, и потому фальшиво звучатъ дальнѣйшія слова поэта, что у него „łza rłunie i serce bije“; „żal mi twojej doli“.... Можно ли, на примѣръ, назвать раба „Анчара“ собакой? Нѣтъ такого раба, который, при свѣтѣ истинной любви и просвѣщенія, не могъ сдѣлаться свободнымъ.

Г. Поливановъ (Соч. Пушкина I 255) мѣтко замѣтилъ, что сдержанный и какъ бы холодный тонъ повѣствованія срывается на 8 строфѣ уступкой чувству, что выразилось въ повтореніи союза (и ослабѣлъ, и легъ, и умеръ) и въ эпитетѣ „бѣдный“ (рабъ). „Такой приемъ поэта, говоритъ г. Поливановъ, сообщаетъ всему стихотворенію особенную силу, и вся изображаемая въ немъ сцена производитъ на читателя глубокое впечатлѣніе со-

бытія мрачнаго и безпощаднаго. Гибель чловѣка въ разсказѣ быстро смѣняется невозмутимымъ образомъ владыки, самоувѣренному властолюбію котораго нѣтъ предѣловъ. Но тѣмъ разительнѣе выступаетъ передъ читателемъ сила состраданія къ жертвѣ, гибель которой изображена притомъ съ неподражаемой пластичностью“.

„Удачное сопоставленіе словъ, читаемъ въ интересномъ изслѣдованіи *Н. М. Соколова*: Иллюзии поэтического творчества“ (стр. 239), умѣлое пользованіе архаическими выраженіями, оттѣнки контраста и эффекты сближеній даютъ иногда самымъ обыденнымъ словамъ, почти волшебную силу. Все, чего не можетъ взять грамматика и с овары, что поневолѣ игнорируется при логическомъ анализѣ и филологическомъ изученіи слова, составляетъ самое цѣнное достояніе поэта“. Примѣръ обыкновенно смѣлаго и удачнаго сочетанія словъ приведенъ г. Соколовымъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 47) изъ Анчара: Въ обыкновенномъ разговорѣ слово „чловѣкъ“ часто то ъко единица счета, сокращенный символъ мышленія:

Но чловѣка чловѣкъ
Послалъ къ анчару.....

говорить вамъ поэтъ, и въ одинаковыя по звукамъ слова вы вливаете далеко не одинаковое содержаніе. Только чловѣкъ и тотъ князь, которій думалъ, что онъ можетъ посылать властнымъ взглядомъ, и тотъ, кто считалъ себя обязательнымъ исполнить жестокое приказаніе и мириться съ именемъ раба. Слова просты; но сколько въ нихъ мудрости и философіи! Но какъ бы ни было полно содержаніемъ это слово, вы не имѣте права всунуть въ него ни одной лишней черты, кромѣ того, что требуетъ отъ васъ самъ поэтъ. Мериме утверждалъ, что только латинскій языкъ въ состояніи передать этотъ своеобразный оттѣнокъ словъ поэта: *Sed vir virum misit ad arbo-rem*, перевелъ онъ; но это ужъ слишкомъ просто и сурово; выраженіе Пушкина мягче, гуманнѣе. Не *vir*

умиралъ „у ногъ непобѣдимаго владыки“, а именно „чловѣкъ“, чловѣкъ-рабъ, который не обнаружилъ римской доблести, а шелъ на смерть изъ страха смерти. Не даромъ поэтъ нашелъ нужнымъ напомнить ему, что и онъ чловѣкъ“.

Эта богиня, въ другихъ стихотвореніяхъ „муза“, близкая родня Аполлону, „тайному генію“, „демону“, какъ послѣдній обрисованъ въ стих. „Демонъ“ 1823 года и въ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ 1824.

Опредѣленіе сущности поэтическаго творчества занимало Пушкина до конца его жизни, и весьма цѣнныя его замѣтки по этому поводу вошли въ одно изъ позднѣйшихъ его произведеній „Египетскія ночи“ 1835 г. Вторая глава „Египетскихъ ночей“ составляетъ драгоцѣнный пушкинскій комментарий къ стихотвореніямъ „Чернь“, „Поэту“, „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ и др. т. п. Здѣсь мы видимъ самого Пушкина, его личныя признанія, съ приуроченіемъ ихъ къ двумъ лицамъ Чарскому и импровизатору италіянцу. Здѣсь Чарскій высказываетъ излюбленную мысль Пушкина, что „поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ“.

Къ свидѣтельствамъ о „частѣ божества“ Пушкина, Григоровича и Достоевскаго добавимъ еще одно новѣйшее, также высоко-даровитаго писателя, *Н. С. Лѣскова*. „Плана заблаговременно не составляю, говорилъ Лѣсковъ за нѣсколько дней до смерти († 21 февр. 1895 г.) Все равно отъ него уйдешь. Не разъ мои добрые друзья дарили мнѣ сюжеты и планы; но я никогда ими не пользовался. *Когда вдохновеніе приходитъ, тогда Богъ вѣсть, откуда что берется*“ (*Неделя* 1895 № 9).

ДОПОЛНЕНІЕ

къ статьѣ о стихотвореніи „Поэтъ“.

Основной мотивъ стих. „Поэтъ“ („часть божества“) давно уже занималъ Пушкина; это одно изъ наиболѣе продуманныхъ и прочувствованныхъ поэтическихъ признаній Пушкина. Уже въ шестой пѣснѣ „Руслана и Людмилы“ Пушкинъ, говоря о томъ, что онъ „забылъ и трудъ уединенный и звуки лиры дорогой“, прибавляетъ:

Меня покинулъ *тайный геній*
И помысловъ и сладкихъ думъ.

Это то состояніе духа, которое гораздо позднѣе выразилось въ ст. Пушкина „Трудъ“, которое Тургеневъ выразилъ въ письмахъ къ друзьямъ и въ статьѣ „Довольно“, состояніе временнаго спокойствія творческаго духа, ошибочно принимаемаго за притупленіе или исчезновеніе.

Въ эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“ (1820) Пушкинъ говоритъ:

Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительной думой—
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

вѣкъ нѣскольکو дней, и разъ *ночью* я написалъ свое стихотвореше; и всталъ, чтобъ написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ *во снѣ*. Это было незадолго до того, какъ Его Величество вызвалъ меня въ Москву. Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его тогда; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что стихъ изъ Байроновскаго *Мазены* заставилъ меня поѣхать служить паннихиду по Петрѣ Великому? Я часто это дѣлалъ, а въ этотъ день я молился также и за Байрона. Езекиила я читалъ раньше; на этотъ разъ текстъ казался мнѣ дивно-прекраснымъ; я думаю, что лучше его понималъ. Такъ всегда бываетъ съ Священнымъ Писаніемъ: сколько его не перечитывай, чѣмъ болѣе имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется. Но я никогда не читаю подрядъ; я открываю книгу на удачу и читаю, пока это доставляетъ мнѣ удовольствіе“.

ДОПОЛНЕНІЕ

къ статьѣ о Пророкѣ и къ статьѣ о ночномъ творествѣ Пушкина.

Въ Запискахъ А. О. Смирновой (о нихъ подробно скажемъ въ отдѣльной статьѣ въ связи съ письмами и стихотвореніями Пушкина) находится любопытное сообщеніе о происхожденіи Пророка, причемъ въ обозначеніи источника сдѣлана, вѣроятно, самой Смирновой ошибка: вмѣсто пр. Исаи дважды названъ пр. Езекииль. Вотъ что рассказывалъ Пушкинъ Смирновой:

„Я какъ-то ѣздилъ въ монастырь Святыя Горы, чтобъ отслужить паннихиду по Петрѣ Великому; гораздо раньше я уже служилъ паннихиду по Байронѣ, но однажды вечеромъ я перечитывалъ его Мазену и остановился на этихъ стихахъ:

„Had pass'd to the triumphant Czar,
I love this sweet name“...

Это эпиграфъ, который я выбралъ для Полтавы,— 4 стиха; вамъ я привожу только два. На другой день я былъ въ монастырѣ; служка попросилъ меня подождать въ кельѣ; на столѣ лежала открытая Библия, и я взглянулъ на страницу—это былъ Езекииль (?). Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ (?) въ Пророкѣ. Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня *преслѣдо-*

Въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пимень пишетъ передъ лампадой.

Въ началѣ повѣсти:

Въ еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ библию.....

ДОПОЛНЕНИЕ

къ статьѣ о стихотвореніяхъ II. о лампадѣ.

Стихамъ о лампадѣ во „Снѣ“ 1819 г., приведеннымъ въ статьѣ, предшествовали болѣе ранніе стихи въ „Мечтатель“ 1815 г.

Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ
Въ кивотѣ небогатомъ,
И бѣдный теплится ночникъ,
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Въ ст. „Къ моей чернильницѣ“ 1821 г. поэтъ говорить о чернильницѣ:

Въ часы печали томной
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.

Образъ старика, читающаго или пишущаго передъ лампадой, повторяется въ сходныхъ выраженіяхъ въ 1-й пѣснѣ „Руслана и Людмилы“ 1817 г., въ „Борисѣ Годуновѣ“ 1825 г. и въ началѣ повѣсти изъ еврейскаго быта (1832?). Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ финнъ изображенъ такъ:

Въ пещерѣ старецъ, брада сѣдая,
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.....

паго. Можно провести любопытную параллель между этими высоко-талантливыми писателями. Оба они представляют характерное соединеніе свободомыслія и консерватизма, оба очень тщательно обрабатывали свои произведения; оба отзывались о своей родной странѣ въ очень сходныхъ формахъ и весьма неслестно, и въ то же время горячо любили ее; въ прозаическомъ языкѣ П. и Гр. обнаруживается большое сходство. Сходство можно довести до мелочей. Такъ, и Грибоѣдовъ въ одномъ письмѣ называетъ свою жену Мадонной Мурильо (*Веселовскій*, Этюды 529).

ДОПОЛНЕНИЕ

къ статьѣ о „Мадоннѣ“.

Въ письмѣ Пушкина къ Н. Н. Гончаровой изъ Петербурга отъ 30 іюля 1830 года находится слѣдующее мѣсто: „Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ блокурой мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей“. Н. Н. Гончарова тогда была невѣстой и проживала въ Москвѣ. Стихотвореніе „Мадонна“ написано недѣли за три ранѣе, 8 іюля. Упомянутое письмо бросаетъ такой свѣтъ на сонетъ о Мадоннѣ (хотя и заднимъ числомъ), что мы должны нѣсколько смягчить или точнѣе дополнить высказанное ранѣе нами положеніе объ исключительномъ значеніи основныхъ дѣтскихъ впечатлѣній. Эти впечатлѣнія здѣсь несомнѣнно играли важную роль, какъ духовный запасъ; но они вылились въ форму извѣстнаго сонета подъ согревающими лучами любви Пушкина къ молодой красивой женщинѣ Н. Н. Гончаровой. Это вовсе не значитъ, что подъ Мадонной сонета нужно разумѣть Гончарову; наоборотъ, любовь поэта отразилась въ любовномъ отношеніи къ Мадоннѣ, въ женственности художественнаго образа, въ новомъ освѣщеніи теплыхъ дѣтскихъ впечатлѣній.

Пушкинъ и Грибоѣдовъ носили одно имя Александра Сергѣевича и, что любопытно, въ ихъ духовномъ складѣ, образованіи, обстоятельствахъ жизни, много сход-

ДОПОЛНЕНИЕ

къ статьѣ о „Брожу ли я....“

Стихотвореніе „Брожу ли“ написано въ 1829 году, во время появленія чумы на югѣ Россіи. Извѣстенъ превосходный гуманистическій конецъ этого стихотворенія: „И пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть....“ Замѣчательную параллель къ этому стиху нужно отмѣтить въ письмѣ Пушкина къ Плетневу изъ Царскаго Села отъ 22 іюля 1831 г. Въ это время въ Россіи свирѣпствовала холера, Пушкинъ на меланхолическое письмо Плетнева отвѣчалъ: „Письмо твое меня опечалило. Опять хандришь! Эй, смотри, хандра хуже холеры; одна убиваетъ то ѣко тѣло; другая убиваетъ душу, Дельвигъ умеръ. Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковский; умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ; новые созрѣютъ намъ друзья; дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи; жены наши старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчишки стануть повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри; холера на-дняхъ пройдетъ; были бы мы живы; будемъ когда-нибудь и веселы“.

О Г Л А В Л Е Н І Е

3-го выпуска.

	Стр.
Предисловіе.	1
XIX. Поэтъ	2
XX. Эхо.	16
XXI. Шотландская пѣсня	26
XXII. Къ А. П. Кернъ.	29
XXIII. Откуда къ намъ	35
XXIV. Что свѣтъ зари.	35
XXV. Осень	43
XXVI. Зимній вечеръ	53
XXVII. Анчаръ.	68
Дополненія къ статьѣ о ст. „Поэтъ“	77
Дополненіе къ ст. о „Пророкъ“	80
Дополненія къ ст. о стихахъ о лампадѣ	82
Дополненія къ ст. о „Мадоннѣ“	84
Дополненіе къ ст. о „Брожу ли я....“	86

Поправки къ первымъ двумъ выпускамъ.

Прочитавъ „Этюды“ въ выпускахъ я нашелъ въ нихъ слѣдующіе пропуски и ошибки:

<i>Вып.</i>	<i>л.</i>	<i>стр.</i>	<i>стрк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
I	I	10	19	высокихъ	низкихъ
—	II	21	16	почему	зачто
—	—	23	24	искаженіе	варіантъ
—	III	37	1	одна за другой	одно за другимъ
—	—	37	7	реминисценціи	реминисценціи
—	—	39	20	стихотвореніяхъ	стихотвореніи
				Шевченка	Шевченка
—	—	43	25	Вордсворта	Вордсворта (III 175)
—	V	58	10	1816 г.	1823 г.
—	VI	73	3	70 лѣтъ	около 70 лѣтъ
II	VII	7	20	Мицкевичъ († 1848)	Мицкевичъ († 1855)
—	IX	26	11	показываетъ	указываетъ
—	XI	44	3	мысль	мысли
—	—	—	4	переплеталась	переплетались
—	XIII	47	33	(20 годовъ)	десятихъ годовъ
—	—	62	5	златого	златой
—	XV	73	27	слѣдующее неизданное	слѣдующее
—	XVI	81	9	неизмѣнно	почти неизмѣнно
—	—	85	17	Шербюелье	Шербюеле

Въ выпускѣ 3-мъ по недосмотру два раза напечатано XX (стр. 16 и 25).